

ИЗ ИСТОРИИ НАШЕГО КРАЯ

85 89
0
98
91 14
98

ИЗ ИСТОРИИ НАШЕГО КРАЯ

Сборник научных работ студентов
Молотовского государственного университета
имени А. М. Горького

317804.2

94

БИБЛИОТЕКА
ГОРОДА МОЛОВОТОВСКОГО

Молотовское книжное издательство
г. Молотов — 1956 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Советская историческая наука за последние годы сделала серьезный шаг вперед. Но ее успехи были бы значительнее, если бы активнее велось изучение местной истории, ибо нельзя глубоко разрабатывать ту или иную проблему в масштабе всей страны, не имея конкретных данных о ходе развития общества в отдельных районах и центрах.

Исключительно важным является изучение исторического прошлого Урала — одного из крупнейших экономических районов нашей отчизны.

Мы не имеем марксистской истории Урала, но мы должны ее создать. Для этого необходимо привлечь к разработке исторического прошлого нашего края самый широкий круг не только опытных историков, но и студенческой молодежи.

Кафедра истории СССР Молотовского государственного университета имени А. М. Горького, поставив перед собой задачу привлечения молодежи к разработке вопросов местной истории, широко рекомендует студентам-историкам темы дипломных и курсовых работ из истории Урала.

Ряд лучших работ студентов-выпускников Молотовского университета напечатан в настоящем сборнике и представлен на суд читателей.

Четыре из них посвящены отдельным вопросам древней истории Урала.

В работе В. А. Оборина исследуется вопрос о проникновении русской культуры в Прикамье и ее благотворном влиянии на местное население — коми-пермяков. Начало экономических связей между русскими княжествами и предками коми-пермяцкого народа можно отнести примерно к IX—XI векам. В XII веке в Прикамье появляются,

повидимому, первые русские поселения, под влиянием которых начинает развиваться плужное земледелие.

В статье В. А. Могильникова сделана удачная попытка краткого обобщения данных о металлургии коми-пермяцкого народа до прихода в Прикамье русских. Ценным в работе является то, что автору удалось на общем фоне развивающихся производительных сил первобытно-общинного строя показать состояние металлургии древних коми-пермяков, выделившейся в IX—XIV веках в ремесло.

В статье А. В. Кокарева обобщаются данные об оружии и оборонительных сооружениях у древних коми-пермяков и в связи с этим рассматривается вопрос о зарождении феодальных отношений.

Сравнительно частный вопрос исследуется в работе И. С. Поносовой «Изразцы Орла-городка». Рассмотрение этого вопроса позволяет подтвердить дату существования Орла-городка, известную из письменных источников, и установить факт местного производства изразцов, занесенного русскими московскими мастерами.

Все работы по археологии написаны на основе изучения памятников материальной культуры, добытых Камской археологической экспедицией, в которой авторы принимали личное участие.

В статье А. М. Савинкова исследуются положение и борьба рабочих частной золотопромышленности Урала в первой половине XIX века. Эти вопросы являются составной частью проблемы производственных отношений в горнозаводской промышленности Урала в период кризиса феодально-крепостнического строя и рождения капиталистической формации. Автор показывает рабочих не только как объект жесточайшей эксплуатации, но и как силу, борющуюся и пытающуюся создавать нечто новое. В этом ценность работы А. М. Савинкова.

Оригинальным исследованием является работа В. В. Мухина. Она представляет собой впервые написанный систематизированный историко-экономический очерк развития Кизеловского бассейна в дореволюционный период. Дальнейшая разработка этой проблемы — ближайшая очередная задача историков Урала.

Статья Н. М. Зубарева знакомит с интересной страницей деятельности революционных демократов — распространением общерусских прокламаций шестидесятих годов на территории Пермской губернии. Приводимые в статье

данные еще раз свидетельствуют о связи революционных центров с провинцией.

Одному из наиболее ответственных периодов деятельности социал-демократических организаций Урала посвящена статья Ю. И. Кочетова. В ней анализируется борьба большевиков Пермской губернии за осуществление гибкой революционной тактики в период выборов во вторую и третью Государственные думы. Данная тема не подвергалась специальному изучению в нашей исторической литературе.

Две работы посвящены истории советского общества. Обстоятельная статья И. С. Капцуговича рассматривает один из наиболее сложных вопросов осуществления социалистической революции на Урале — проведение рабочего контроля и национализации промышленности. В ней исследован процесс перехода от осведомительного контроля к распорядительному, а от последнего — к рабочему управлению.

В работе Ф. Н. Артамонова рассматриваются вопросы борьбы трудящихся Урала под руководством парторганизаций против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции.

Все исторические работы написаны с использованием большого фактического материала, извлеченного из различных фондов Молотовского, Свердловского и других архивов. Многие из этих первоисточников впервые вводятся в научный оборот.

Публикуемые работы написаны в 1951—1955 годах. Следует отметить, что некоторые из авторов этих работ пошли в аспирантуру, а некоторые стали уже научными работниками.

Статьи прошли редакцию научных работников кафедры истории СССР университета, под руководством которых были выполнены соответствующие студенческие работы.

Не все статьи сборника имеют одинаковую ценность. Но все они свидетельствуют о приобщении их авторов к числу историков-исследователей нашего края.

В заключение хочется выразить пожелание, чтобы первый сборник студенческих работ, который, само собой разумеется, имеет и ряд недостатков, не стал последним.

Ф. С. Горовой,
профессор, доктор исторических наук.

В. А. Оборин

К ВОПРОСУ О РАННИХ ЭТАПАХ ПРОНИКНОВЕНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРИКАМЬЕ

Научный руководитель — кандидат исторических наук
доцент *О. Н. Бадер*

Вопрос о проникновении русской культуры в Прикамье, о возникновении первых русских поселений, о взаимоотношениях русской культуры с культурами местных народов представляет большой интерес для изучающих историю Урала.

К сожалению, период, предшествовавший появлению первых русских поселений в Прикамье, известных по русским летописям, очень слабо освещен письменными источниками. Русская летопись говорит определенно о русских поселениях в Прикамье только с XV века.

Правда, начиная с XII века, письменные источники сообщают нам о походах новгородцев на Урал для сбора дани, главным образом мехов, и упоминают имена местных племен: «пермь», «югра», «печора». В XIV веке «Житие Стефана Великопермского» дает краткое описание земель по Каме и именуется эта область «Пермь Великая, глаголемая Чюсовая». В 1332 году первая новгородская летопись сообщает, что Иван Калита «приде из Орды и възвержа гневъ на Новгородъ, прося у них серебра за камского»¹. Однако все эти данные говорят определенно о знакомстве русских с Прикамьем лишь с XIV века. Све-

¹ Полное собрание русских летописей, т. III, стр. 76.

дения о более ранних походах на Урал не указывают точного местонахождения племен, упоминаемых русскими летописцами, на основании чего некоторые исследователи считают, что эти походы русских проходили севернее области Прикамья, не затрагивая ее, что под именем «Пермь» в русских летописях подразумевается Пермь Вычегодская, а не Прикамье.

Одних лишь письменных источников явно недостаточно для разрешения вопроса о времени проникновения русских и русской культуры на Урал — в этом деле большую помощь должны оказать археологические работы.

Исследователь Прикамья археолог М. В. Талицкий специально занимался изучением истории племен Верхнего Прикамья X—XIV веков¹. В своей работе он отчасти коснулся вопроса о проникновении русской культуры на Урал. Однако он переоценил воздействие культуры государства Волжских Булгар на Прикамье и недооценил влияние русской культуры.

Так, Талицкий пишет, что «Время X—XIV вв. мы можем с полным правом назвать булгарской эпохой в истории культуры населения Прикамья»². В то же время он считает, что «сообщение Епифания («Житие Стефана Великопермского», XIV век — В. О.) отражает первое знакомство русских с областью Камы... а среди громадного количества разнообразных находок вещи славянского происхождения встречаются редко»³. В этой же работе он считает, что плужное земледелие развилось в Прикамье под влиянием булгар, так как типы важнейших сельскохозяйственных орудий были заимствованы у них.

Исследователь Булгар археолог А. П. Смирнов не согласился с этим мнением М. В. Талицкого. Он показал, что речи о заимствовании быть не может, так как у булгар был сложный плуг с ножом и тяжелым лемехом, а пермские ральники соответствуют неглубоким лесным почвам⁴. Основная линия торговых связей волжских булгар шла на запад, а не на Среднюю Каму. А. П. Смирнов подчеркивает, что славяне проникали в Булгар не только

¹ М. В. Талицкий, Верхнее Прикамье в X—XIV вв., «Материалы и исследования по археологии СССР», № 22, 1951 г.

² Там же, стр. 80.

³ Там же, стр. 71.

⁴ А. П. Смирнов, Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 28, 1952 г., стр. 190.

с юга, но и с Вычегды на Каму, где оставили следы своего пребывания (многочисленные находки вещей русского происхождения).

В числе вещей русского происхождения, найденных в Прикамье, А. П. Смирнов приводит только случайные находки. Однако плужное земледелие он считает безусловно местным.

Последние работы Камской археологической экспедиции Молотовского университета дали дополнительный материал по данному вопросу. Немало интересного рассказывают и находки старых сборов, хранящиеся в Молотовском областном музее.

Наиболее ранние русские вещи, попадавшие в Прикамье, относятся к IX—XI векам. Это преимущественно единичные находки украшений. Шестиугольные звезды-бляшки найдены в Загарском и Редикорском могильниках IX—X веков, лировидные пряжки славянского типа, лунницы найдены на реке Косыл, в деревне Логиново и на Мартыновом селище¹. Монетная гривна новгородского типа найдена в деревне Вотьяки².

В то же время в курганах новгородской земли часто встречаются вещи прикамского происхождения, которые по всем признакам относятся к IX—XI векам. Так, в курганах бывшей Санкт-Петербургской губернии Л. К. Ивановским найдены изображения всадника на коне, попирающем змею³. Такие изображения являются характерными для Прикамья и найдены в Загарском и Купросском могильниках⁴ и в нижнем слое городища Донды-Кар на реке Чепце. Особенно много вещей прикамского происхождения найдено Н. Е. Бранденбургом в Приладожских курганах. Поздние из этих вещей относятся к X—XI векам⁵. Курганы принадлежат преимущественно сельскому населению Новгородской Руси.

В городах Новгородской Руси — Новгороде и Старой

¹ Коллекции Молотовского областного краеведческого музея.

² Отчет археологической комиссии, 1901, СПб., стр. 142.

³ Курганы С.-Петербургской губ. из раскопок Л. К. Иванова, «Материалы по археологии России», № 20, СПб., 1896, табл. XII, рис. 10.

⁴ А. А. Спицын, Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых, «Материалы по археологии России», № 26, 1902, т. V, рис. 14.

⁵ Н. Е. Бранденбург, Курганы Южного Приладожья, «Материалы по археологии России», № 18, 1895, табл. III, рис. 2, 6; табл. IV, рис. 13; табл. V, рис. 2, 3, 10; табл. X, рис. 6.

Ладоге — также встречаются вещи прикамского происхождения, но значительно реже.

Это говорит о том, что население Прикамья в IX—XI веках было связано торговыми и обменными связями, главным образом, с сельским крестьянским населением, а не населением городов Новгородской Руси. Связи эти, видимо, не были особенно интенсивными, о чем говорит и небольшое число находок.

В последующий период приток славянских вещей в Прикамье усиливается, что могло быть связано как с походами новгородцев на Урал, о чем говорят русские летописи, так и с постепенным просачиванием их на восток.

Много славянских вещей найдено на поселениях и в могильниках в бассейне Вычегды и Вятки. В Кочергинском, Юмском и других могильниках X века довольно часто встречаются славянские украшения, а на Ковровском и Котельническом городищах X—XII веков на реке Вятке найдена славянская керамика¹. В тот же исторический период здесь появился обряд трупосожжения, который характерен для славянских племен. Этот обряд единично проникает с Вычегды на Каму. Его следы встречаются в могильниках XII—XV веков (Шибановский могильник на реке Обве).

В XII—XIV веках обряд трупосожжения на Вычегде и в соседних районах распространялся повсеместно. Следы его обнаружены в вычегдских могильниках, наряду с вещами славянского происхождения, которых в тот период стало больше. Среди них много славянской керамики с характерным линейно-волнистым орнаментом. На городище Карамыльк на реке Вычегде², которое относят к XII—XIV векам, помимо славянской керамики и украшений, найден ральник, по форме очень близкий древнейшему славянскому ральнику из городища Старой Ладоги. Там его относят к VII веку³ (табл. I, рис. 1). Таким образом, многочисленные находки славянских вещей на Вычегде и Вятке говорят о преимущественном влиянии на развивающуюся культуру предков коми-зырян именно

¹ А. П. Смирнов, Археологические памятники на территории Марийской АССР, Козмодемьянск, 1949 г., стр. 90.

² Записки общества изучения Коми края, вып. 1, 1928 г., стр. 4—15.

³ В. И. Равдоникас, Старая Ладога, «Советская археология», XII, 1950 г., стр. 39.

славянской культуры, а не болгарской, так как болгарские вещи там встречаются единицами, а болгарской керамики совершенно нет. Проникновение сюда славянского обычая погребения — трупосожжения, а также наличие хорошо выраженного, европеоидного типа среди удорских коми-зырян на реках Вашке и Мезени¹, тогда как большинство коми имеют характерный сублапоноидный тип, позволяют говорить о проникновении в этот район и оседании там славянского населения.

С XII—XIII веков увеличивается приток в Прикамье вещей русского происхождения.

В 1951—1952 годах Камская археологическая экспедиция проводила раскопки Кыласова городища на реке Иньве² (местное название «Анюшкар»), которое относят к IX—XVI векам. Культурный слой городища удалось разделить на два слоя — слой IX—XI и слой XII—XIV веков. В верхнем слое обнаружен целый ряд вещей русского происхождения. Среди них — шиферные пряслица из Овруча, костяные гребни трапециoidalной формы, характерной для славянских гребней (табл. 1, рис. 3), фрагменты славянской керамики с примесью дресвы и линейно-волнистым орнаментом. Особенный интерес представляла собой шкатулка из бересты, найденная около входа в жилище. В ней оказался богатый набор украшений и среди них характерные для славян трехбусинные серебряные височные кольца (табл. 1, рис. 1, 2), крупные сердоликовые и хрустальные граненые бусы (табл. 1, рис. 7—13), круглые серебряные бусы с зернью (табл. 1, рис. 4—6). В верхнем слое городища были найдены два железных топора, по форме резко отличавшиеся от топоров, характерных для местной Родановской культуры — культуры древних коми-пермяков IX—XV вв. (табл. II, рис. 4). Это были широколезвийные топоры-секиры, близкие к типу боевых топоров Новгородской земли³. Вещей болгарского происхождения на городище найдено немного. Болгарская керамика встречается редко.

В верхнем слое Кыласова городища найдены три ральника, изготовленные из треугольных пластин железа, вы-

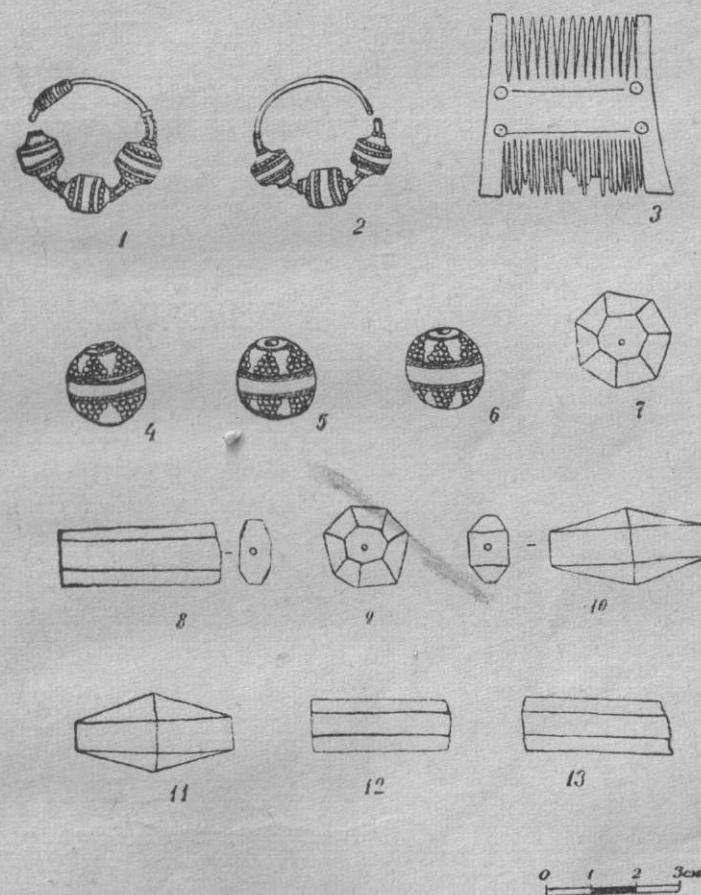
¹ Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми по данным антропологии, «Советская этнография», № 2, 1946 г., стр. 51—54.

² Раскопки проходили в 1951 г. под руководством О. Н. Бадера при участии автора, в 1952 г. под руководством автора.

³ М. Г. Рабинович, Из истории русского оружия, «Труды Института этнографии», Новая серия, т. 1, 1947 г., стр. 88.

тянутой формы, с довольно длинной трубицей (табл. II, рис. 2). Их форма близка к форме ральника, найденного на городище Карамыльк на Вычегде, и является дальнейшим развитием формы старолadoжского ральника. Как доказали исследования И. И. Никишина, такого типа ральники наиболее удобны для лесных, плохо расчищенных

Таблица 1

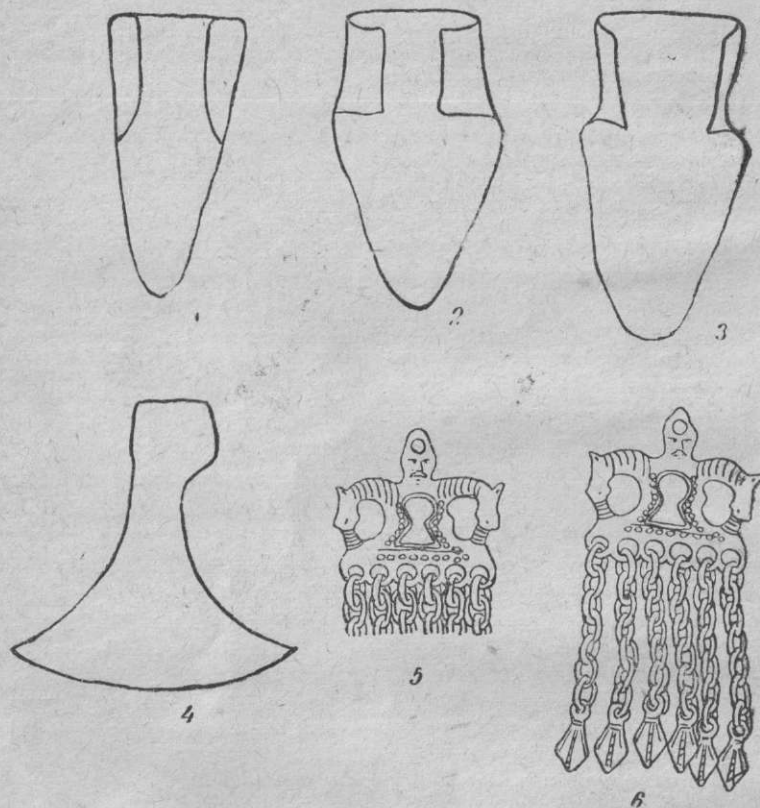

Вещи русского происхождения из Кыласова городища XII—XIV веков. 1, 2 — височные кольца. 3 — костяной гребень. 4, 5, 6 — серебряные бусы с зернью. 7, 8, 9, 12, 13 — сердоликовые бусы. 10, 11 — хрустальные бусы.

почв, так как длинная трубица дает возможность ставить сошник под углом; это облегчает управление им и уменьшает возможность поломки¹.

Помимо находок на Кыласовом городище, в Молотовском областном музее хранится целый ряд вещей русского

Таблица 2

Вещи русского происхождения из Приладожья и Прикамья. 1 — Городище Старая Ладога VIII века. 2, 4 — Кыласово городище XII—XV веков. 3 — Рождественское городище. 5 — Приладожье X века. 6 — Михалевский могильник XII—XIII веков.

¹ И. И. Никишин, Наральник из городища Городня на Волге, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», XIV, 1947 г., стр. 115.

происхождения, относящихся к XII—XV векам и найденных на памятниках Родановской культуры.

К их числу относятся киевские бронзовые крестики XI—XII веков с желтой выемчатой эмалью. Такого рода крестиков очень много в Приладожских курганах Новгородской земли. В Прикамье они найдены в Елевском и Михалевском могильниках XII—XIV веков. Есть также оловянные новгородские кресты, найденные в Чердынском районе, у деревни Старица, и в Даниловском могильнике.

Нередки в Прикамье находки решетчатых подвесок, типичных для новгородских сельских курганов XI—XII веков. Они найдены в Михалевском, Модоробском, Бурдаковском могильниках и на Вакинском селище. Славянские перстни с закрученными концами найдены у деревни Старица.

На Родановском, Кудымкарском и ряде других городищ найдены роговые гребни в форме трапеции, характерной для русских гребней, отличающиеся от местных типов гребней с округлой спинкой. Однако можно предположить их местное изготовление по русским образцам, поскольку с XII века ремесло резьбы по кости достигает у местных племен значительного развития.

Необходимо упомянуть также о находке янтарных бус на Кыласовом городище. Родина янтаря — Балтийское море. Янтарные бусы очень часто встречаются на городище Старая Ладога, где отмечено их местное производство. Несомненно, что и эта бусина попала в Прикамье из Новгородской земли. Там же были найдены и игральные кости, которые в это время широко распространялись на Руси. Славянская керамика с волнистым орнаментом найдена на Кыласовом, Родановском и других городищах.

Даже это перечисление находок вещей русского происхождения в Прикамье, начиная с IX века, показывает, что мнение М. В. Талицкого о преимущественном влиянии болгарской культуры на Прикамье неосновательно. Государство Волжских Булгар само подвергалось значительному влиянию русской культуры, о чем и говорят исследования А. П. Смирнова¹. Неправильно называть эту эпоху «булгарской» или «славянской», так как нельзя сводить все развитие местной культуры к переходам от одного влияния к другому.

¹ А. П. Смирнов, Волжские булгары, «Труды Государственного исторического музея», вып. XIX, 1951 г., стр. 153—166.

Несомненно, что часть вещей русского происхождения попадала в Прикамье и через Булгар. К ним относятся, например, шарнирный браслет киевского типа XI века, найденный на Кырымском городище, черниговская гривна ромбовидной формы, найденная у деревни Чигироб¹, киевский медный крест — энколпион XIII века, найденный в бывшей Гайнской волости, меч каролингского типа, найденный у деревни Гавриковой, Косинского района, Коми-Пермяцкого округа, и другие вещи.

Вопрос о появлении в Прикамье плужного земледелия, нам кажется, также нельзя считать решенным окончательно.

В XII веке в могильниках Прикамья появляется интересный тип шумящих подвесок — коньковые подвески с личинами — изображениями человеческого лица. Древнейший прототип этого украшения на севере — подвески из Приладожских курганов, где его относят к X веку (табл. II, рис. 5). Как доказано исследованием Б. А. Рыбакова², подвеска с личиной связана с более древними изображениями богини и двух коней у древних славян-антов VI—VII веков, у которых плужное земледелие появилось на грани нашей эры. В X веке этот мотив украшений перекочевывает в Новгородскую землю, где с VII века начинает развиваться плужное земледелие. Перед нами образ древнерусской богини Берегини — богини земли, охранительницы урожая. В мифологии коми-пермяков и коми-зырян есть божество Полудница, живущая во ржи и охраняющая урожай. Очевидно, это местное, коми-пермяцкое отражение культа русской Берегини.

Подвески с личинами найдены в Прикамье — в Елёвском, Михалевском (табл. II, рис. 6), Ратеговском, Кудеёвском могильниках XII—XIV веков и на Вакинском селище. Подвеска из Михалевского могильника до мельчайших подробностей повторяет подвеску из Приладожья, описанную Б. А. Рыбаковым, и, очевидно, отлита в одной с ней форме. В Молотовском областном музее имеется кресало с бронзовым навершием, украшенным головами двух коней и личиной, такой же, как и на подвесках.

При анализе вещей славянского происхождения из прикамских памятников мы видим, что большинство их

¹ История культуры древней Руси, т. 1, 1948 г., стр. 395, карта.

² Б. А. Рыбаков, Древние элементы в русском народном творчестве, «Советская этнография», № 1, 1948 г.

новгородского происхождения и могло попасть сюда только северным путем. Это подтверждается и тем, что новгородские торговые фактории, по летописным данным, доходят к XII веку до западных границ распространения коми-зырян и появляются в бассейне реки Вятки¹.

Большая часть русских вещей, найденных в Прикамье, близка по форме вещам из сельских новгородских курганов.

В Верхнем Прикамье в дореволюционное время было найдено очень много сошников-ральников. Однако находки были случайны и большая часть их оказалась недатированной. Ральники, время изготовления которых удалось определить, относятся не ранее, чем к XII веку, то есть как раз к тому времени, когда в Прикамье появляется наибольшее количество русских вещей. Три ральника найдены на Кыласовом городище в верхнем слое XII—XIV веков, два ральника на Рождественском городище² (табл. II, рис. 3), два ральника на Искорском городище XIII—XV веков³, один ральник на Пеняхинском селище⁴ и селище Доег на реке Иньве. Мы говорили уже о том, что их форма совершенно отлична от формы булгарских ральников, но в то же время близка к форме древнейших русских ральников лесной полосы.

Интересно, что с XII века изменяются площадь и характер памятников местной Родановской культуры. Вместо небольших городищ с площадью до 5000 кв. метров появляются городища большие, достигающие 20 000 кв. метров. Часть городищ начинает перерастать в неукрепленные поселения — селища, культурный слой которых перекрывает ранее возведенные укрепления — валы, рвы и пр. Число селищ увеличивается. Именно на них часто встречаются находки лесорубных топоров, служивших для расчистки леса под пашню, ральников и жерновов.

Характерно, что на более ранних памятниках мы также встречаем земледельческие орудия, но более примитивного типа. В нижнем слое Кыласова городища найдена

¹ История культуры древней Руси, 1948 г., т. 1, стр. 323.

² Ф. А. Теплоухов, Земледельческие орудия Пермской Чуды, «Пермский край», т. 1, 1892 г., табл. I, рис. 1, 10.

³ В. Берх, Путешествие в г. Чердынь и Соликамск, СПб., 1821 г., стр. 97.

⁴ А. П. Смирнов, Производственный и общественный строй у народов Прикамья в I тыс. н. э., «Записки Удмуртского научно-исследовательского института», вып. VIII, 1930 г., стр. 238.

железная мотыга, которая приближается, правда, к ральнику, но рабочий край ее, широкий и плоский, приспособлен лишь для перекопки и рыхления земли, а не для вспашки. На том же городище в верхнем слое найдены три жернова. Появление жернова вместо зернотерки, несомненно, свидетельствует об увеличении продуктивности земледелия, а это могло дать только плужное земледелие.

Интересно также, что большая часть всех найденных в Прикамье ральников сосредоточивается в северных районах, наиболее близких к Вычегодскому бассейну. Из 66 ральников, известных по случайным находкам, 60 найдены в бывших Чердынском и Соликамском уездах. Южнее Обвы ральники не встречаются вплоть до бассейна реки Чепцы, где их также найдено только несколько штук.

Таким образом, мы видим, что появление плужного земледелия в Прикамье по времени совпадает с появлением наибольшего числа русских вещей и с распространением украшений северо-русского происхождения, связанных с земледельческим культом славянской богини плодородия Берегини.

С XII—XIII веков состав глиняного теста керамики, найденной на городищах, селищах и в могильниках северных районов Прикамья, несколько изменяется. До XII века для глиняного теста посуды была характерна примесь крупнотолченой раковины, вплоть до XIV века это сохранялось в материале посуды более южных районов. В XII—XIII веках в глиняном тесте посуды Северного Прикамья появилась примесь дресвы и песка. Керамика вычегодских поселений вообще не имеет примеси раковины, а только примесь песка и дресвы. Такой состав примесей характерен именно для славянской керамики и не встречался ранее в местной посуде. Очевидно, изменение состава примесей происходит под влиянием славянской гончарной техники.

Интересно и то, что при сильно разработанной земледельческой терминологии в коми-пермяцком языке, где почти все земледельческие орудия имеют свое название, слово «ральник», «плуг» называется только по-русски. Аналогичного ему слова в коми языке нет.

Все это позволяет выдвинуть вопрос о проникновении плужного земледелия в Прикамье с просачиванием первых славянских поселенцев на Вычегду, а затем и южнее. Этими первыми поселенцами, вероятнее всего, были рус-

ские крестьяне, бежавшие от феодального гнета, у которых плужное земледелие в условиях севера появляется уже с VII века. Об этом говорит то, что большая часть вещей русского происхождения, найденных в Прикамье, аналогична вещам, найденным в сельских курганах Новгородской земли.

О просачивании сюда русского населения задолго до присоединения Перми Великой к Русскому государству говорит, помимо многочисленных находок вещей русского происхождения, наличие отдельных погребений с трупосожжением в поздних родановских могильниках, а также наличие топонимики и говоров новгородского происхождения в Северном Прикамье (по данным Ф. Л. Скитовой. Кафедра языка и литературы Молотовского университета).

В одной из русских летописей в 1268 году в числе новгородских граждан упоминается некто Полюд, замечательный необыкновенной силой¹. Полюдов камень около Красновишерска и легенда о Полюде, повидимому, связаны с этим историческим именем. В описании похода князя Ф. Пестрого в 1472 году упоминается городок Анфаловский. Фамилия Анфаловых до сих пор сохраняется в Гайнском районе; на левом берегу Весляны есть Анфаловское озеро, а в 1401 году среди новгородских воевод упоминается некто Анфал².

Первыми достоверно известными русскими поселенцами в Прикамье были новгородские купцы Калининковы³.

Конечно, эти выводы нуждаются в дальнейшем подтверждении материалами, из которых наиболее ценные даст археологическое изучение севера Прикамья. Именно там, в Чердынском и Гайнском районах, нужно искать древнейшие русские поселения. К сожалению, эти районы пока наименее всего изучены археологами.

На основании анализа археологического материала мы приходим к выводу, что русская культура с древнейших времен оказывала благотворное влияние на развитие коми-пермяцкого народа. Установление древнейших торговых и обменных связей между русскими княжествами и коми-пермяцким народом относится к IX—XI векам,

¹ Полное собрание русских летописей, т. II, стр. 60.

² И. Пушвинцев, Путь рати Ф. Пестрого в 1472 г., «Чердынский край», вып. 3, август 1928 г., Чердынь, стр. 8—9.

³ В. Берх, Путешествие в г. Чердынь и Соликамск, СПб., 1821 г.,

а может быть, и к более раннему времени. К XIII веку мы уже можем предполагать проникновение первых русских поселенцев в Прикамье, с появлением которых здесь и развивается плужное земледелие. Это подтверждает известные слова Ф. Энгельса, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. ...Господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»¹. То же самое можно сказать и в отношении коми-пермяков.

Перед советскими археологами, занимающимися изучением Прикамья, встает важная задача отыскания и изучения древнейших русских поселений в нашем крае.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 211.

В. А. Могильников

МЕТАЛЛУРГИЯ У ДРЕВНИХ КОМИ-ПЕРМЯКОВ В X—XIV ВЕКАХ

Научный руководитель — ассистент В. А. Оборин

С древних времен Урал является одним из важнейших металлургических районов нашей Родины.

Металлургия на Урале возникла, по всей вероятности, самостоятельно, в начале II тысячелетия до нашей эры. Заимствование народами Урала металлургии от стран древних цивилизаций исключается, так как Урал отделен от них большими пространствами, на которых нет своих медных руд, а следовательно, и не могло быть своей металлургии. Древнейшей находкой, говорящей о знакомстве с металлургией в Приуралье, является находка глиняной чашки для плавки меди на стоянке Бор I на р. Чусовой (II тысячелетие до нашей эры). Железо на Урале появляется не позднее VIII века до нашей эры и с тех пор из него здесь изготавливаются основные орудия производства. После появления железа медь и бронза использовались, главным образом, в качестве украшений.

Изучение древней металлургии помогает нам познать культуру народов нашей страны в далеком прошлом, развитие производительных сил общества. Анализ металлических вещей и руд, найденных на исторических памятниках, может привести и к практической пользе — открытию новых месторождений полезных ископаемых в еще недостаточно исследованных районах.

Большой интерес представляет металлургия древних коми-пермяков. В изучении ее главную роль играют археологические памятники и коллекции, в частности, коллекция Теплоуховых, которая находится в Молотовском краеведческом музее. Здесь имеются разнообразные предметы, характеризующие металлургию у древних коми-пермяков: тигли, льячки, литейные формы и разнообразные металлические украшения и орудия труда. Материал коллекции собран из различных мест Молотовской области с памятников родановской культуры, принадлежащей древним коми-пермякам. Богатый материал собран Камской археологической экспедицией Молотовского университета, которая произвела раскопки Кыласова и Лаврятского городищ, где обнаружены остатки металлургических горнов, железные и медные шлаки, литейные формы и тигли.

Некоторые ученые считали, что золото и железо были заимствованы пермяками с юга, а наличие собственной металлургии меди отрицали вообще, высказывая предположение, что металл коми-пермяки получали из Сибири. Археологические находки опровергают эту неверную точку зрения. Металлургия бронзы в Приуралье была еще во II тысячелетии до нашей эры и существовала непрерывно до родановской культуры. Металлургия железа, возникнув в VIII веке до нашей эры, развивалась и в дальнейшем, о чем говорят находки, относящиеся непосредственно к металлургическому производству, — горны и шлаки.

Металлургия меди

Металлургия меди в родановской культуре является дальнейшим развитием металлургии меди, ведущей начало еще с бронзового века. На Кыласовом, Родановом, Рождественском, Кудымкарском городищах, Баяновском и Кудымкарском селищах найдены куски руды, тигли, литейные формы и большое количество изделий из меди и бронзы. Медные шлаки вместе со слитками и каплями меди встречены на Кыласовом городище при последних раскопках.

Металлургия меди в Прикамье существовала на местном сырье. Здесь встречаются медные руды главным образом в виде многочисленных выходов на поверхность медистых песчаников. На территории коми-пермяков есть

залежи колчеданных руд (в районе Юсьвы). Но руды эти залегают на значительно большей глубине. В качестве восстановителя служил древесный уголь, который при наличии больших лесов можно было получать в неограниченных количествах.

В эксплуатацию шли руды, выходящие на поверхность или расположенные неглубоко. В документах XVIII—XIX

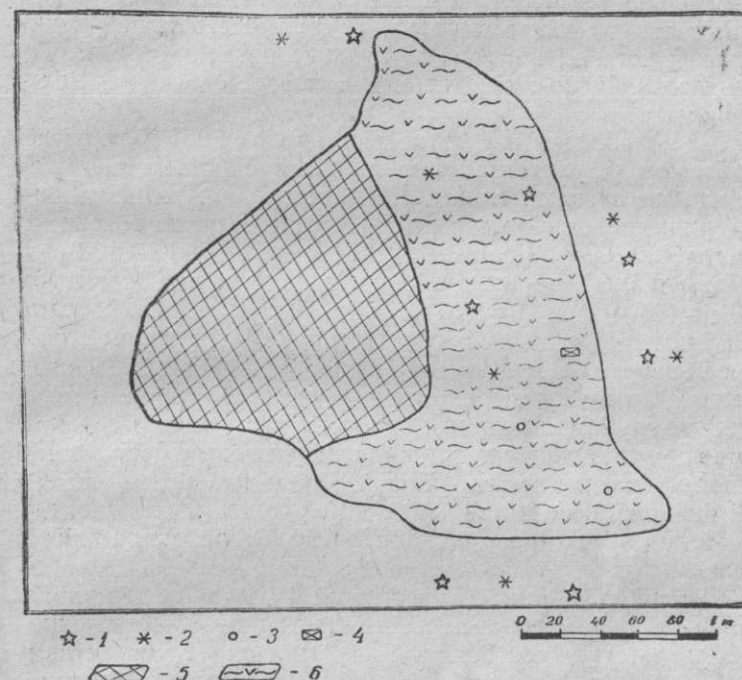

Рис. 1. Остатки металлургических сооружений Кыласова городища. Открытый очаг для плавки металла.

1 — шлак железный. 2 — шлак медный. 3 — крица. 4 — литейная форма. 5 — очаг с прожженной глиной. 6 — углестозольный слой.

веков указывается, что русские медные рудники в ряде случаев возникали на месте древних «чудских» работ. Количество точек, где русскими добывалась руда, достигает 8000, и хотя в литературе древние разработки медной руды указаны только в 150 местах, это говорит уже о широкой древней добыче меди. Надо заметить, что не все

древние, «чудские» выработки, ставшие известными русским, упоминаются в заводских документах.

Медную руду, повидимому, плавил в плавильных печах или горнах и в открытых, сильно горящих очагах. Шлаки и зола найдены около глиняных развалившихся очагов, на площадках из сильно прокаленной глины, которые, возможно, служили основой плавильных горнов. Для повышения температуры в печи применяли искусственное дутье, так же как в сыродутном процессе при получении железа. На Родановском городище в раскопках М. В. Талицкого найдено глиняное сопло, которое соединяло мех с горном.

На Кыласовом городище в раскопках 1951 года встречены металлургическая яма и очаги с развалившимися крупными кусками глины. В первом очаге обнаружены шлаки и две литейные формы. Очертания очага встречены на глубине 50—60 сантиметров. На глубине 75—100 сантиметров очаг принимает форму эллипсоида размером 1,8 на 0,6 метра. В очаге найдено много камней, из которых он и был сложен. В подстилающем слое рядом с очагом обнаружена яма, которая идет на глубину 58 сантиметров. Со всех четырех сторон очаг был огорожен деревянным срубом, имеющим забутовку из глины с галькой. Яма служила для свалки производственных отходов. В ней обнаружены медные шлаки. В подстилающем слое она соединялась небольшой канавкой с очагом, возможно, для стока воды и шлака. Здесь, вероятно, происходила плавка меди.

Другой очаг (рис. 1), устроенный между двумя параллельными рядами бревен, состоял из красной обожженной глины; размеры его 2,2 на 1—1,3 метра. С юга к нему примыкает куча речных раковин. Очаг сильно наклонен к северу. Наклон, возможно, служил для усиления дутья, тем более, что северные ветры, к которым обращен очаг, здесь дуют часто. Можно предположить, что очаг был открытый, в то время как по первому очагу можно реконструировать закрытый горн, тем более, что есть сруб по его краям. Это сближает первый очаг с якутским горном, который тоже окружался срубом, причем промежуток между срубом и горном заполнялся землей. Отличие первого очага от якутского горна в том, что забутовка здесь сделана из глины с галькой. Очаг здесь тоже сложен из камней (они найдены в развале).

Следовательно, на Кыласовом городище существовали открытые костры и закрытые плавильные печи.

В раскопках летом 1954 года на Кыласовом городище встречены также остатки каменного горна (рис. 2).

После выплавки медь переливалась в чушки и, как пишет М. В. Талицкий¹, в таком виде шла на обмен или оставалась у мастера для дальнейшего производства. Форма чушек была различна, но постепенно вырабатыва-

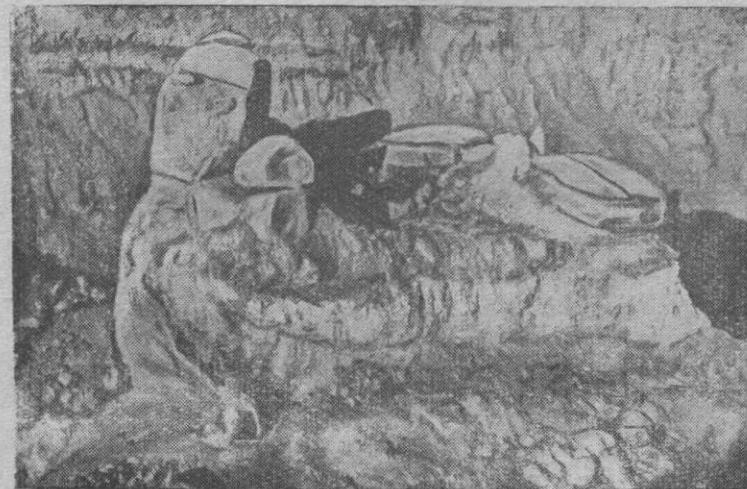

Рис. 2. Остатки металлургического горна на Кыласовом городище.

лось какое-то подобие ее стандартизации. Большинство чушек имело вид продолговатой небольшой четырехугольной болванки (табл. 1, рис. 1). На Кудымкарском селище найдена жесткая литейная форма из песчаника для таких чушек. Были и другие формы чушек — в виде трех соединенных перемычками блинчиков и в виде половины расколотого вдоль оси цилиндра. Последнюю из названных форм имеет чушка с Кыласова городища. Длина ее 5 сантиметров, ширина 2,5 и толщина 1,5 сантиметра. Есть чушки и более крупные. Стандартизация формы медных чушек улучшала условия их обмена: при правильной

¹ М. В. Талицкий, Верхнее Прикамье в X—XIV вв., «Материалы и исследования по археологии СССР», № 22, 1951 г.

форме легче было определить количество металла в чушке и ее стоимость.

Медь в чушках была как бы полуфабрикатом и добавлялась в плавку при изготовлении медных изделий. Большинство же изделий делалось из бронзы — сплава меди с оловом. Олова в среднем Прикамье нет, и получали его, вероятно, с севера. В вещах с более северных памятников содержание олова иногда превосходит 50 процентов. В вещах из Редикорского могильника олова до 80—90 процентов. В вещах из Подбобыкинского клада на долю олова приходится только 17 процентов, но олово здесь служит полудой. Повидимому, олово на Верхней Каме не представляло редкости и отсюда привозилось в Среднее Прикамье¹.

Медные изделия отливались в специальных литейных формах (табл. 1, рис. 2—5). В X—XIV веках техника литья у древних коми-пермяков достигла уже значительного развития. Применялись различного вида формы для изготовления шумящих подвесок, бляшек, бус, пронизок, лунниц и других украшений и изделий.

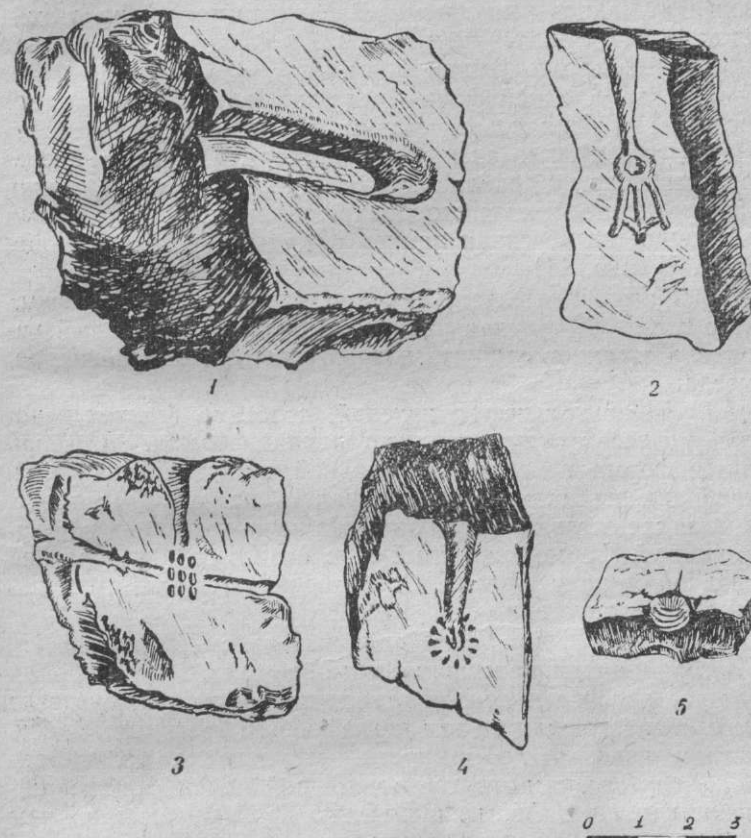
Материалом для изготовления форм служили мягкие породы камня, глинистый сланец, песчаник, глина и редкость. Для наиболее сложных украшений применялось литье по восковой модели.

Каменные формы, как и часть глиняных, были двусторонними и односторонними. Это видно на самих формах и на отлитых в них предметах. Вещи, отлитые в двусторонних формах, обычно имеют заметные боковые швы, образовавшиеся от затекания металла в зазоры между половинками формы. Обе половинки формы обычно плотно примыкали одна к другой, для чего поверхность их зашлифовывалась. Для более прочного их сочленения и правильного симметричного совпадения рисунка у ряда форм имеются штифты и отверстия для штифтов. Например, в форме для отливки бус, находящейся в экспозиции Молотовского краеведческого музея, имеются 4 штифта.

Для заливания металла в формах имеются отверстия, обычно воронкообразные. В наиболее узком месте они имеют диаметр около 1,5 миллиметра. Для того, чтобы изделие не было пузырчатым и металл залил все извили-

ны формы, в ней делались отверстия для выхода воздуха диаметром 0,5—1 миллиметр.

Таблица 1

Литейные формы. 1 — форма для отливки чушек (Кудымкарское селище). 2 — форма для подвески «гусиная лапка» (Купросское городище). 3, 4, 5 — формы для отливки мелких украшений (3 — Кудымкарское городище, 4 — Рождественское городище, 5 — Кудымкарское селище).

Более прочными, выдерживавшими много отливок, были каменные формы. Они применялись для литья массовых изделий. Большинство форм, очевидно, вырезалось ножом. Заметны даже следы вибрации ножа при резании (форма для бус с Кыласова городища). Особенно

¹ В. В. Данилевский, Историческая технология исследования древних бронзовых изделий, «Известия ГАИМК», № 10, 1936 г.

хорошо поддавались обработке ножом глинистый сланец, глина и кость.

Изображения на формах вдавленные, а отлитые изделия получались выпуклыми. Выпуклых частей на литейных формах у коми-пермяков не найдено, в отличие от некоторых древнерусских форм.

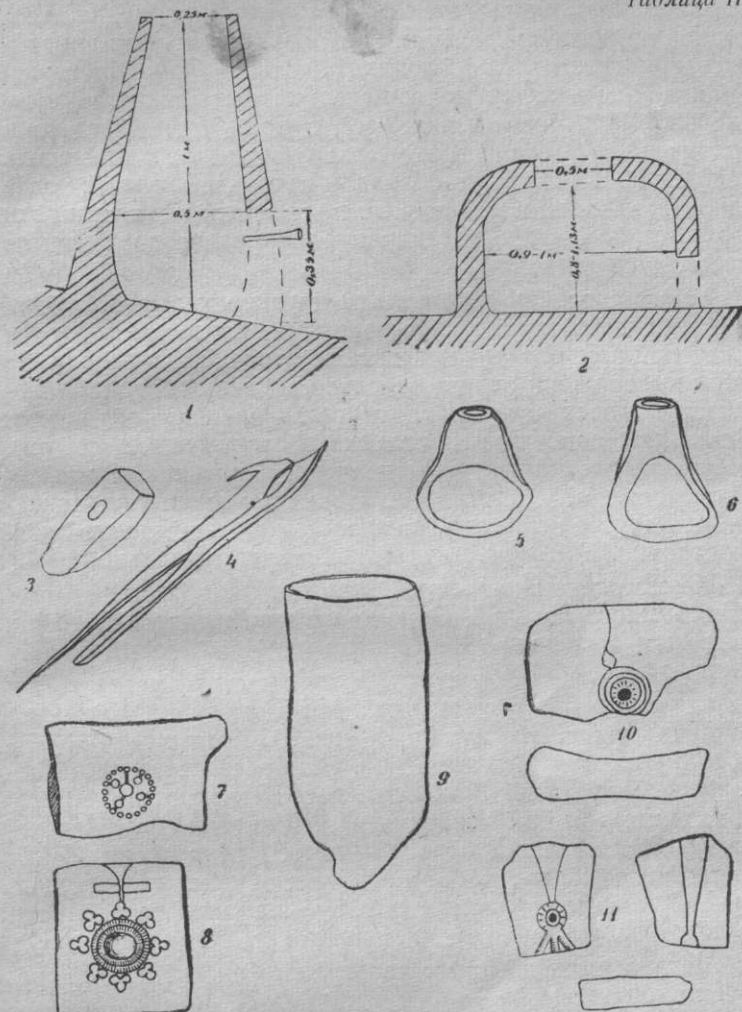
Иногда в одной форме делались изображения сразу нескольких одинаковых предметов (формы для бус и гусиных лапок), что значительно ускоряло процесс производства. Иногда делались почти одинаковые изображения на противоположных сторонах формы (глиняная форма для подвески «гусиная лапка» с Кудымкарского селища, табл. II, рис. 11).

Все это свидетельствует о том, что литейное производство в XII—XIV веках начинает принимать массовый характер, и может служить доказательством выделения ремесла.

Большое количество изделий, особенно бляшек и частей подвесок, отлито в односторонних формах. Здесь при литье форма покрывалась гладкой каменной плиткой и изображение на изделии получалось на одной стороне, другая же оставалась гладкой. На вещах, отлитых в односторонней форме, литейный шов отодвинут к обратной гладкой стороне изделия. Односторонние формы применялись чаще двусторонних.

Глиняные формы изготавливались из сырой глины. Их вырезали, затем просушивали и обжигали. Иногда брали готовое изделие и делали оттиск на сырой глине, после чего обрабатывали ее тем же способом. На глине тонкие детали изделия деформировались, изделие получалось более грубым, чем отлитое в каменной форме. Но изготовление глиняных форм значительно проще и быстрее, чем каменных, поэтому они нашли широкое применение (табл. II, рис. 8 и 10). В таких формах отливались грубые копии привозных вещей, в частности болгарских, с их сложной техникой скани и зерни. Получалась ложная скань и ложная зернь.

Глиняные формы были недолговечны и после нескольких отливок ломались и выбрасывались, поэтому с развитием техники обработки камня их стали заменять каменными. В этом виден существенный сдвиг по сравнению с ломоватовской культурой, на памятниках которой не найдено ни одной каменной литейной формы.

Металлургические сооружения (реконструкции) и орудия труда. 1 — Якутский плавильный горн (по Б. А. Колчину). 2 — Болгарский горн (по Б. А. Колчину). 3 — Молот-ручник (Редикорский могильник). 4 — Кузнечные клещи (Редикорский могильник). 5, 6 — Льячки (Кыласово городище). 7, 8 — Литейные формы (7 — Кыласово городище, 8 — Лаврятское городище). 9 — Тигель для плавки меди (Кыласово городище). 10, 11 — Литейные формы (Кудымкарское городище).

Наиболее сложные изделия отливали в форме, изготовленной по восковой модели. Эта техника широко применялась при изготовлении ложного литья и ложной зерни. Отливкой по восковой модели сделана часть подвесок (двужорьковые, отчасти коньковые), лунниц, пронизок и других изделий. Делалось это так: сначала лепили модель изделия из воска, затем обливали ее жидкой глиной; когда глина высыхала, в ней проделывали отверстие и заливали его металлом; воск вытапливался и металл занимал его место.

Таким способом изготавливали двужорьковые подвески. Здесь отдельно лепилась верхняя часть восковой формы, к которой прикреплялись восковые цепочки. Каждое звено было вылеплено и отлито отдельно, об этом говорят имеющиеся на всех звеньях остатки обрубленных литничков. На концах цепочки при отливке образовывались конусы, полузакрытые снизу, полые изнутри. Сердечником для образования этой пустоты мог служить уголек или какое-нибудь другое вещество, которое легко было удалить после отливки. Эти конусы лепились также отдельно.

Несмотря на сложность литья, этим способом изготовлялось много изделий. Однако их производство не было массовым, и носили их, вероятно, только богатые люди.

Плавил медь в тиглях. Части тиглей встречаются довольно часто при раскопках. На Кыласовом городище найден целый тигель (табл. II, рис. 9). Его диаметр 3 сантиметра, высота 9 сантиметров. Наиболее часто встречаемый диаметр тиглей 3—4 сантиметра, но найден один тигель диаметром до 10 сантиметров. Дно этих тиглей округлое. В более ранний период — до XII века — они имели коническую форму, позже появляется форма цилиндрическая. Коническая форма тиглей была распространена в ломоватовскую эпоху и из нее переходит в родановскую.

Металл лили в форму непосредственно из тиглей или при помощи льячек.

У некоторых найденных тиглей есть носик для выливания металла (тигель с Кудымкарского городища). В большинстве своем тигли сильно оплавлены, стенки их стали пористыми от жара. Качественный спектральный анализ тиглей показал, что в них плавил медь с искусственными и естественными примесями олова, свинца, цинка, магния, марганца, никеля, мышьяка и других элементов, что

доказывает, по мнению В. А. Оборина¹, получение меди из медистых песчаников, характеризующихся именно этими примесями. В меньших размерах, возможно, использовался медный колчедан, месторождение которого имеется в районе Юсвы.

Для заливания металла в форму служили также льячки — глиняные ложечки с деревянной рукояткой (табл. II, рис. 5—6).

Распространены две формы льячек: 1 сравнительно крупная, овальная, для более крупных и грубых изделий, и 2 меньшая по размеру с узким носиком для отливки тонких изделий. Размеры льячек 2—2,5 на 1,5 сантиметра. Льячки найдены на Кыласовом, Родановом, Кудымкарском и других городищах.

Часть найденных медных изделий является чисто местными, часть носит подражательный характер. Последние изготовлены с помощью оттиска на глине формы привозных изделий, преимущественно болгарских. К таким вещам относятся лунницы, некоторые бусы и бляшки. Местными вещами являются шумящие подвески — коньковые и двужорьковые, — фигуры птиц, животных. Эти вещи служили амулетами, их привешивали к одежде.

Металлургия железа

Роль железа в развитии человеческого общества охарактеризована Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

«Человеку стало служить железо, последнее и важнейшее из всех видов сырья, сыгравших революционную роль в истории... Железо сделало возможным полеводство на крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов»².

Металлургия железа у древних коми-пермяков в X—XIV веках была развита довольно высоко. Железные предметы, крицы, руда и железные шлаки часто

¹ В. А. Оборин, Памятники родановской культуры в Верхнем Прикамье, Молотов, 1952 г., Рукопись.

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1950 г., стр. 168.

встречаются при раскопках. Они найдены на многих памятниках родановской культуры.

Сырьем для получения железа служила болотная руда, которая широко распространена в Предуралье. Известны ее большие месторождения в бассейнах рек Косы, Весляны, Лолога, Вулама, Кувы. Содержание железа в ней не более 30—40 процентов, но достоинство ее в том, что эта руда может восстанавливаться при сравнительно невысокой температуре — около 900 градусов, которая достигается в сыродутных горнах. Возможно, использовалась и более качественная руда — бурый железняк, который имеется на территории коми-пермяков в значительных количествах, в частности, в бассейне реки Кувы. Но широкого применения бурый железняк у коми-пермяков, по видимому, не получил из-за высокой температуры плавления.

Болотная руда встречается скоплениями на дне болот и озер и в пониженных местах под почвенным покровом. Находят руду, ощупывая дно водоема шестами или почву железными прутьями-шупами. Вычерпанную из озера руду сушат на берегу и для обогащения обжигают. Затем она измелчается, иногда промывается, просеивается и идет в производство. Восстановителем служит древесный уголь.

До нас не дошли целиком сооружения, в которых производилась плавка железной руды. На Кыласовском городище и других памятниках встречены глинобитные площадки, сильно прокаленные, со следами очагов длиной до двух-трех метров и шириной около полутора метров. В остатках очагов среди угля и золы встречены куски обожженной глины и шлака. Медные и железные шлаки найдены вместе. Можно предполагать, что медь и железо выплавлялись в одних и тех же печах. По развалинам металлургических сооружений трудно восстановить их вид, но почти определенно можно сказать, что они были наземные или слабо углубленные в землю. Это отличает их от ломоватовских металлургических ям. В горнах облегчалось и улучшалось дутье, шлак можно было просто выпускать во время плавки, а не чистить яму после каждого производственного цикла.

Примером сооружений такого типа может служить якутский сыродутный горн (табл. II, рис. 1). Он представляет собой небольшую шахтную печь высотой около 1 метра. Стенки якутского горна глиняные. Но в Прикамье их

делали, очевидно, из камня, промазанного глиной, на глинобитной основе, так как в развалинах очага найдено много камней. Дутье в сыродутных горнах вели двумя простыми мехами через сопла.

Кроме якутского горна, близки к родановским горны с городища Великие Булгары, раскопанные в 1947—49 годах А. И. Смирновым (табл. II, рис. 2). Горны эти имели форму опрокинутой чаши или цилиндра с отверстием наверху.

Данные для характеристики технологии выплавки железа приходится брать также из этнографии. Возьмем их для описанного выше якутского горна (по Б. А. Колчину)¹. Технология выплавки в нем железа сводится к следующему.

Печь сильно протапливают сухими дровами для разогрева.

Оставшиеся угли и головешки убирают.

Лещадь печи покрывают угольной пылью, толщиной в 1,5 вершка.

Через колошник наполняют печь доверху древесным углем.

Через отверстие в груди печи уголь поджигают.

Отверстие засыпают до половины землей и вставляют сопло, после чего совсем закладывают камнями и замазывают глиной.

На уголь в печи, засыпанный уже до уровня колошника, насыпают еще кучку угля весом в 8 фунтов.

Сверху разбрасывают приготовленную руду меркой приблизительно 11—14 фунтов.

Вставляют в сопло меха и начинают дутье.

Примерно через 30 минут, когда часть угля выгорит и поверхность его опустится, уголь и руду насыпают снова, и так до 5 раз.

Дутье ведут до тех пор, когда уголь опустится на половину высоты горна, затем выпускают шлак и снова дуют, пока не прогорит весь уголь. После этого разбирают отверстие, достают крицу, на бревне околачивают ее молотом и делают на ней надруб топором для определения качества железа.

¹ Б. А. Колчин, Черная металлургия и металлообработка в древней Руси, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 32, 1952 г., стр. 30—31.

При таком процессе за 2 часа 25 минут получали крицу весом 8 килограммов.

Крицы, получавшиеся древними коми-пермяками, были меньше.

Крица не была чистым слитком. Она имела губчатое строение с большими вкраплениями шлаков. Эти вкрапления удалялись проковкой. Размеры криц, выплавлявшихся коми-пермяками, весьма различны. Средний их размер: диаметр 10—12 сантиметров, толщина 5 сантиметров. Иногда в дно плавильного сооружения ставился сосуд или делалось углубление в виде сосуда, так что крица принимала его форму. Такова крица плоской формы, соответствующей дну сосуда из Пеняхинского селища.

Почти все крицы, которые найдены у нас, не прокованы. Вероятно, не все крицы сразу шли в производство, хотя крицу легче проковать сразу после ее получения из горна, а не нагревать для проковки дополнительно.

Железные шлаки часто встречаются на родановских городищах и селищах. Они довольно плотные, содержат значительный процент железа и иногда похожи на крицу. Часть их покрыта ржавчиной. Анализ шлака с Пянтежского городища дал 20 процентов железа, что является небольшим отходом для сыродутного процесса и говорит о его хорошем устройстве, может быть, о высоком качестве угля.

Железные предметы получили широкое распространение в материальной культуре древних коми-пермяков. Из железа готовили оружие (копья, стрелы, мечи, кольчуги), орудия труда (ральники, ножи, топоры, серпы, замки, часть сбруи). У нас нет химического и структурного анализа железных вещей, поэтому трудно сказать, какова была техника их изготовления. Литья в то время еще не было, так как не была еще достигнута температура, необходимая для плавления железа, поэтому вещи из железа ковались. О давнем знакомстве коми-пермяков с ковкой железа говорит наличие в их языке своего слова для обозначения этого действия («дорны» — ковать). Большинство железных предметов, особенно ножей, дошли до нас в сильно сработанном виде. Это может быть следствием очень долгого их употребления или мягкости железа, которое приходилось постоянно оттачивать.

При обработке железа древние коми-пермяки применяли также сварку. Этот прием требовал, кроме известных

навыков, довольно высокой температуры калия металла и использования флюсов. Для того, чтобы хорошо сварить два куса железа, нужна температура 1425—1450 градусов. Эту точку калия мог уловить по искроиспусканию только опытный человек, мастер своего дела. Сваривали железо при изготовлении топоров, замков, удила. Топор, очевидно, изготавливали перегибом железной полосы, которую затем сваривали с концов и расковывали, а для образования проуха вставляли железный сердечник. Шов от сварки заметен на боевом тополе с Рождественского городища. У некоторых удила сваривались части колец для прикрепления поводьев. Все эти вещи найдены на Рождественском городище и других памятниках.

Основным приемом металлообработки у древних коми-пермяков былаковка. Этим способом изготавливались почти все железные предметы (ральники, ножи, топоры и другие вещи). Для того, чтобы не было пережога и наклепа, температураковки должна быть от 900 до 1300 градусов, что также определялось по искроиспусканию. Кузнечных молотов не найдено. Ковали, очевидно, обухом топора. В погребении кузнеца из Редикорского могильника были найдены кузнечные клещи и молоток (табл. II, рис. 3, 4), один конец которого заострен. Молоток мог служить одновременно легким молотком — ручником и зубилом для рубки железа.

Рубка железа применялась при изготовлении ряда изделий, в частности, ральников.

Многие железные изделия оттачивались. Точильных камней найдено большое количество¹.

Ремесло и сбыт

В X-XIV веках ассортимент металлических изделий становится разнообразным и изготовление их представляло уже большую трудность для человека, мало знакомого с производством металлов и металлообработкой. В предшествующую, ломоватовскую, эпоху не было топоров разных типов, а был только один кельт. В родановской культуре появляются различные виды топоров: боевой с обухом, лесорубный с выемом и без выема, клиновидный

¹ И. А. Лунегов, Редикорский могильник, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. 57, 1955 г.

и другие. Развивается производство боевого оружия: мечей, копий, железных стрел. В конце XIII века появляются кольчуги. Изготовление всех этих предметов требовало значительного умения, труда квалифицированного ремесленника.

Большого искусства требовало и изготовление медных предметов, особенно при литье по восковой модели.

Появление сошного земледелия давало возможность производить хлеба больше, чем нужно для собственного потребления земледельца, и обеспечивать им существование ремесленника. Вполне возможно, что ремесло на этом этапе еще не отделилось полностью от земледелия, и у кузнеца-металлурга была некоторая запашка. Но преобладающим занятием его становится уже металлургическое производство.

Большое количество каменных литейных форм, найденных на памятниках родановской культуры, чего не было в ломоватовскую эпоху, когда вещи отливались в глиняных формах, которые не прочны и не годятся для массового стандартного производства, также говорит за то, что металлургия у древних коми-пермяков в X-XIV веках стала профессиональным делом.

За появление ремесла говорит усложнение и многообразие методов металлообработки. Кроме литья, для обработки меди здесь довольно широко распространяется чеканка. Этим способом обработаны многие поясные бляшки. Чеканка покрывает их поверхность тонкими узорами, для чего требовалось искусство. Вероятно, для чеканки существовали особые пуансоны, но в памятниках они не найдены.

Встает вопрос — отделилось ли ремесло металлургическое от кузнечного и литейного? По всей вероятности, они были между собой связаны тесно и отделения не произошло. Производительные силы не достигли еще такой степени развития, чтобы вызвать это отделение, так как металла требовалось немного. Но некоторое отделение литья от металлургии меди в тот период уже имело место. Это выразилось в торговле чушками, о чем упоминает М. В. Талицкий¹. Чушки продавались в те районы, где не было своего сырья для выплавки меди.

¹ М. В. Талицкий, Верхнее Прикамье в X—XIV вв., «Материалы и исследования по археологии СССР», № 22, 1952 г., стр. 50.

Металлургия железа не отделилась от кузнечного дела. Крицами торговать не было особой необходимости, так как болотные руды в Прикамье распространены широко. Найденный инвентарь кузнеца и металлурга сходен; он мог одновременно служить при тех и других операциях — клещи, молот, зубило.

Ремесло могло существовать при наличии внешнего и внутреннего рынка сбыта. Основным рынком сбыта был внутренний, но и он был сравнительно невелик, так как с рынка брали при тогдашнем натуральном хозяйстве небольшое количество вещей, и ремесленник работал главным образом на свою общину.

Существовали обменные связи (монета отсутствовала). Медь и железо, а также предметы из них, производились не везде, и ремесленник сбывал их жителям окружающей его местности.

О существовании торгового обмена говорят находки кладов металлургических вещей. В 1938 году около деревни Лопаницыной, Чердынского района, найден клад из 9 ральников одинаковой формы и размера¹. 7 ральников, копье и мотыга найдены у деревни Парамоновой, Коми-пермяцкого национального округа². Вещи в кладах одинаковой формы и размера и лежат все вместе. Из этого можно сделать вывод, что произведены они одним ремесленником и предназначались для обмена.

Стандартизация форм медных чушек также является свидетельством развития обмена. Для мастера, получавшего медь из руды и самостоятельно изготавливавшего медные изделия, совсем не обязательно было отливать медь в чушку. Уже само приготовление медных чушек говорит о наличии обменных отношений в тот период. О существовании в Прикамье металлургических центров говорит находка 1819 года в Искоре, Ныробского района, большого количества шлаков и остатков глиняных печей. Это приводило к мысли, что в Искоре жили одни кузнецы. Из этих центров металлургические изделия распространялись как в окрестности, так и к «иноземным» народам.

Верхнее Прикамье с древних времен имело широкие обменные связи, свидетельством чего являются находки камских вещей в окружающих странах и наоборот.

¹ Чердынский музей, инв. № 1865—1873.

² Чердынский музей, инв. №№ 2346, 1268—1274.

У древних коми-пермяков существовал обмен с Волжской Булгарией. Из Булгар привозились в Прикамье металлические изделия, украшения. Из Прикамья в Волжскую Булгарию отправляли меха, которые шли дальше на юг. О торговле булгар с народами по Каме писали арабские писатели, посещавшие государство булгар.

Верхнее Прикамье также было связано с русскими землями. Русские летописи сообщают о походах новгородцев в Югру через Пермь и Печору.

В родановскую эпоху существовали связи Прикамья и с Зауральем. О распространении прикамских вещей в Зауралье говорят находки коньковых подвесок и пронизок из Прикамья, птицевидных идолов и сердцевидных, чеканных поясных бляшек. Эти вещи были обнаружены при раскопках могильника Барсов городок. Теплоухов сообщает о находке коньковых подвесок на реке Лозьве¹.

Существовал сбыт прикамских металлических вещей и на север. В ненецком могильнике на реке Щучьей Г. А. Черновым найдены шумящие подвески с гусиными лапками — вещь прикамского происхождения². В жертвенном месте около реки Хейбидэ — Пэдар он обнаружил пряжки с головой медведя, птицевидных идолов, колокольчики от шумящих подвесок и бронзовые полые бусы камского типа³. Вполне возможно предполагать, что от племен Большеземельской тундры древние коми-пермяки получали часть олова в обмен на свои и булгарские изделия.

Древние коми-пермяки обменивались металлическими изделиями с предками удмуртского народа, что доказывается находками на реке Чепце. На городище Донды-Кар найдены ральники пермяцкого типа в одном слое с булгарской керамикой⁴. В памятниках на реке Чепце встречены также камские пронизки, подвески, отличающиеся от чепецких. О том, что чепецкие вещи тоже попадали в

¹ М. В. Талицкий, Верхнее Прикамье в X—XIV вв., «Материалы и исследования по археологии СССР», № 12, стр. 68—69.

² Г. А. Чернов, Археологические находки на реке Щучьей, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. 10, 1951 г., стр. 103, рис. 28-3.

³ Г. А. Чернов, Жертвенное место в северной части Большеземельской тундры, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. 39, 1951 г., стр. 87—88.

⁴ А. П. Смирнов, Донды-Карское городище, «Труды по изучению Вотского края», вып. IV, Ижевск, стр. 26—57.

Прикамье, свидетельствуют находки чепецкой керамики с треугольным орнаментом. На основе этих находок можно говорить о прочных обменных связях, тем более, что древние удмурты были соседями коми-пермяков.

Несмотря на существование у коми-пермяков внешних обменных связей, они не могли играть определяющей роли в производстве. Оно определялось внутренними потребностями, и сбыт на внутреннем рынке преобладал.

Анализ находок древних коми-пермяцких вещей на территории соседних народов опровергает версию И. Н. Смирнова, высказанную им в его книге «Пермяки» (Казань, 1891 год), что коми-пермяки не имели своей полностью самостоятельной металлургии, что сырье и формы привозились к ним от соседей. Находки пермяцких металлических вещей на территории, где не жили коми-пермяки, говорят о том, что вещи их пользовались спросом и у других народов, чего не могло бы быть при отсутствии у них полностью самостоятельной металлургии.

На основе археологических и других исследований можно говорить о значительном развитии производительных сил у древних коми-пермяков в X-XIV веках, в частности, металлургии. В этот период развивается и совершенствуется обработка меди и железа, из них получают уже довольно сложные и разнообразные вещи, появляется ремесло.

Возникают центры металлургического производства, изделия которых распространяются на значительное расстояние за пределами общин. Металлические вещи производят не только для себя, но сбывают и путем обмена другим народам. Техника металлургического производства достигает для своего времени большой высоты и этим опровергаются попытки представить древний коми-пермяцкий народ далеко отставшим от соседних народов. В действительности здесь была довольно высоко развитая материальная культура.

А. В. Кокарев
ОРУЖИЕ И ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ
У ДРЕВНИХ КОМИ-ПЕРМЯКОВ
В IX—XV ВЕКАХ НАШЕЙ ЭРЫ

Научный руководитель — ассистент В. А. Оборин

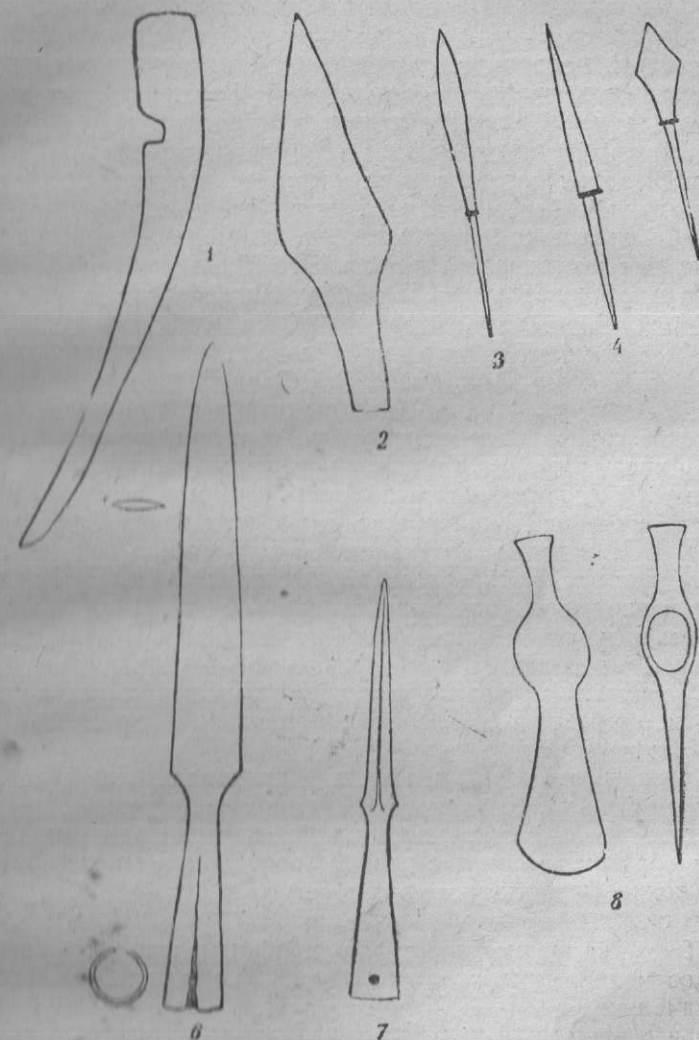
При изучении материальной жизни общества историческая наука уделяет много внимания оружию и оборонительным сооружениям. Наряду с орудиями труда и остатками жилых построек оружие и оборонительные сооружения много говорят об уровне развития средств производства в тот или иной период. Из всех построек оборонительные сооружения обладают наибольшей прочностью и поэтому лучше сохраняются. Тщательное изучение различных видов оружия дает возможность судить о социальном составе войск.

К сожалению, эта важная тема истории Прикамья разработана крайне слабо.

В данной статье мы поставили целью дать характеристику вооружения и оборонительных сооружений Верхнего Прикамья в IX—XV веках и на основании их исследования сделать ряд выводов о военной организации того времени у предков коми-пермяков. Материалом для написания статьи послужили литературные источники и археологический материал, добытый Камской археологической экспедицией на протяжении 1949—1952 гг.

Самым распространенным оружием в IX—XV веках, насколько можно судить по результатам раскопок могильников, были лук и стрелы.

Таблица 1

1 — костяная накладка от сложного лука из Кыласова городища. 2 — наконечник стрелы из Загарского могильника. 3, 4, 5 — наконечники стрел из Кудымкарского городища. 6, 7, — железные копья из Баяновского могильника. 8 — боевой топор из Баяновского могильника.

Лук в Верхнем Прикамье был простой и сложный. Остатков простого лука не обнаружено, но весьма небольшое число найденных частей сложных луков позволяет считать, что наряду со сложным в Верхнем Прикамье пользовались и простым луком.

Сложный лук склеивался из нескольких кусков различных пород деревьев и из костяных пластинок. Такие пластинки найдены при раскопках (табл. I, рис. 1). Костяные пластинки наклеивались на концах сложного лука и на них натягивалась тетива. Это повышало упругость лука и, следовательно, его силу и дальнебойность.

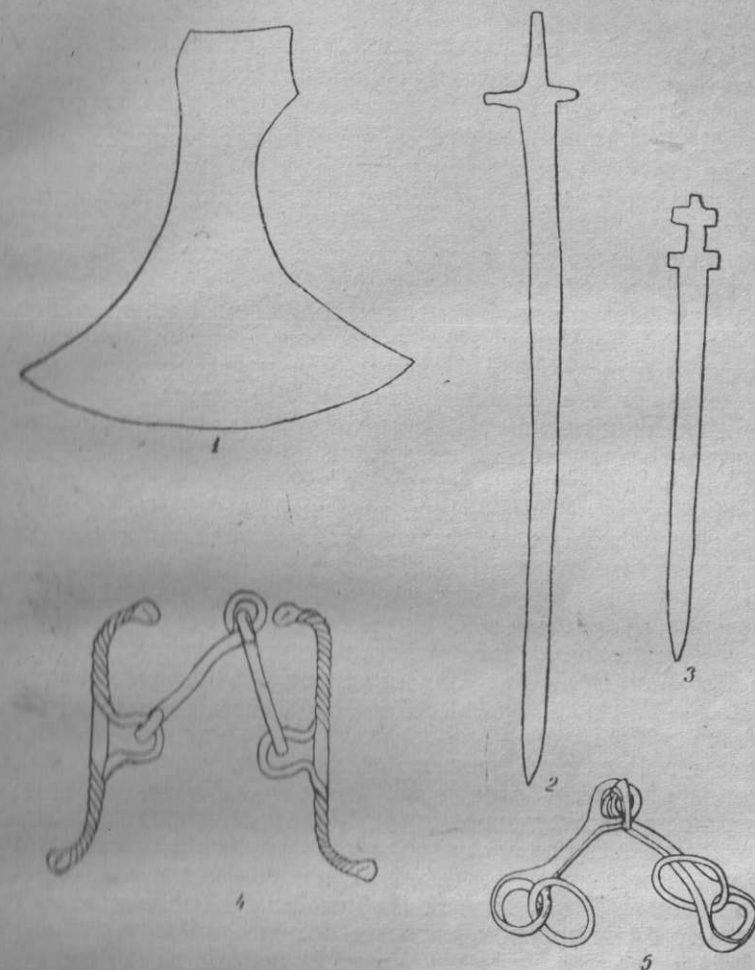
Наконечники стрел чрезвычайно разнообразны по форме. Повидимому, такое многообразие стрел связано с разновременностью их употребления. Все наконечники делятся по форме на 4 типа. К первым двум типам относятся плоские наконечники подтреугольной и ромбовидной формы с расширяющимся к концу черешком (табл. I, рис. 2). При всей массивности такие стрелы не могли пробивать доспехи воинов. Большинство стрел этих типов бытовало в IX—XII веках, когда защитное вооружение воинов не было широко распространено. Основная масса воинов того периода участвовала в бою еще без кольчуги. Со временем кольчуга получает более широкое распространение, в связи с чем изменяется и форма наконечников стрел.

Появляются стрелы с узким и острым пером листовидной и ромбовидной формы с утолщением — «узелком» — у черешка (табл. I, рис. 3, 4, 5).

Такая форма наконечников стрел свидетельствует о том, что они предназначались для проникновения сквозь доспехи, в частности, сквозь мелкие кольца кольчуги. Таким образом, в связи с распространением защитного вооружения форма наконечников стрел коренным образом изменяется.

То же самое можно сказать и об изменении наконечников копий, этого главного оружия ближнего боя. Первоначально в XI—XII веках преобладали втульчатые копья с шипами и копья с широким и плоским пером (табл. I, рис. 6). Первые после удара весьма трудно вытаскивать. Поэтому уже с XIII века преобладает более совершенная форма копий с узким граненым пером, похожим на штык. Таким наконечником можно успешно пробить кольчугу (табл. I, рис. 7).

Все мечи рассматриваемого периода длинные, однолез-

1 — железный топор из Кыласова городища. 2 — железный меч из Татарского могильника. 3 — железный меч из Пятигорской волости быв. Чердынского уезда (Чердынский музей). 4, 5 — железные удила из Баяновского могильника.

вийные с прямым перекрестием. Это указывает на то, что мечи использовались в основном как рубящее оружие. Исключение составляет один меч — он очень сходен по форме с остальными мечами, — но конец его обоюдоострый. Таким

мечом можно не только рубить, но и колоть (табл. II, рис. 2).

Около города Чердыни найден стальной меч каролингского типа, с желобком, проходящим через весь клинок (табл. II, рис. 3).

М. Г. Рабинович¹ указывает, что каролингские мечи были оружием княжеской дружины, а изображение меча на печатях и монетах появляется как символ княжеской власти.

Меч обычно вкладывали в ножны и носили на боку (находки мечей в могильниках).

Наиболее распространенным оружием ближнего боя были боевые топоры. Это — проушные топоры с узким лезвием и вытянутым граненым или круглым обушком в виде молоточка (табл. I, рис. 8). По назначению они близки ананьинским чеканам, поэтому можно предположить, что предшественниками боевых топоров IX—XV веков были ананьинские чеканы (т. е. чеканы-клевцы Ананьинской культуры VII—II вв. до нашей эры).

При раскопках на Кыласовом городище найдены два секировидных топора (табл. II, рис. 1). Один из них чрезвычайно походит на новгородский топор, найденный у деревни Калиновщина². Находка секировидного топора почти на поверхности городища позволяет утверждать, что в Верхнем Прикамье они появились в позднее время (XIII—XV века). Чрезвычайное сходство кыласовских топоров этого типа с новгородскими и появление таких топоров в Верхнем Прикамье в период, когда с русскими устанавливается более тесная связь, указывает на их местное происхождение.

В качестве боевых могли использоваться и рабочие топоры. Такие примеры дают нам и сообщения русских летописей: «...Смерд, хотевший убить Яна Вышатича, пошел на него с тем топором, которым обычно работал»³.

О конном снаряжении можно судить по находкам отдельных частей седла и сбруи, обнаруженных при раскопках погребений воинов. Сюда относятся находки стремян, костяной луки, псалий, удила и обрывков кожаной узды.

Форма стремян этого периода «арочная» с вытянутой

¹ М. Г. Рабинович, Из истории русского оружия IX—XV вв., «Труды Института этнографии», т. 1, М., 1947 г.

² М. Г. Рабинович, указ. соч.

³ Там же, стр. 87.

вверх петель, с узким отверстием для ремня, которым стремя привязывалось к седлу. Подножка стремени представляет собой расширенную площадку, незначительно вогнутую внутрь.

При раскопках Кыласова городища обнаружена лука от седла. Она представляет собой костяную пластинку, красиво орнаментированную. Края луки имеют по два отверстия для привязывания к мягкой подушке седла.

Удила обнаружены кольцевые и с псалиями. Среди кольцевых удил различаются два типа: 1) с одним кольцом, 2) с двумя кольцами. Кольца удила второго типа предназначались для трензельных поводьев, необходимых конному воину, чтобы лучше управлять конем (табл. II, рис. 5). Удила с псалиями (табл. II, рис. 4) были у кавалерийских коней. Находки конного снаряжения свидетельствуют о том, что войско у населения Верхнего Прикамья имело в своем составе и конницу.

* * *

В Верхнем Прикамье известно свыше ста памятников IX—XV веков. Значительная часть их представляет собой укрепленные поселения — «городища». Располагаются они обычно на узких мысах высоких берегов рек и в большинстве случаев имеют треугольную форму. Острый конец мыса образует стрелку, обрывающуюся к реке.

Городища раннего периода (IX—XII веков) — небольшие, с площадью от 1000 до 3500 квадратных метров. Система укреплений большинства из них состоит из одного вала и подсыпанной к нему площадки.

Наиболее характерным для раннего периода является Лаврятское городище на р. Косье, расположенное на стрелке, которая образована поднятием надпойменной террасы. Стрелка занимает господствующее положение над окружающей местностью. Склоны ее очень крутые (70°), что значительно усиливало неприступность городища. С напольной стороны площадка укрепленного поселения ограждена валом дугообразной формы высотой 1,5 метра. Сама площадка на 6 метров возвышается над окружающей поверхностью; кроме того, она здесь еще подсыпалась. Таким образом, с напольной стороны вал возвышается на 8,5 метра, что создавало для жителей городища весьма надежную систему укреплений. С напольной

стороны к валу примыкает ров. По гребню вала шла деревянная изгородь. Городище для того времени могло быть почти неприступным.

Кроме городищ, расположенных на стрелках, в ранний период существовали городища и на невысоких местах. К их числу относится Плеховское городище на р. Каме около устья Вишеры, расположенное на уровне 12 метров над заболоченной поймой. Его площадка защищена более сложной системой укреплений в виде двух валов. Внутренний вал охватывает площадку городища полукольцом, упираясь концами в край террасы. Высота вала со стороны площадки 1 метр. С внешней же стороны площадка сильно приподнята искусственной подсыпкой до двух метров. Поэтому с напольной стороны вал представляет собой почти отвесную земляную стенку до 3,5 метра.

Для усиления оборонительной системы Плеховское городище было обнесено еще вторым валом. Между валами находился ров глубиной 1,5 метра и шириной 8 метров.

Для раннего этапа истории Прикамья характерна весьма развита система укреплений, что, несомненно, свидетельствует о довольно частых военных столкновениях.

На позднем этапе устраивались более крупные городища. Примером может служить Кыласово городище, расположенное на стрелке и защищенное валом дугообразной формы.

В результате исследования было выяснено, что вал этого городища насыпался дважды. Первая подсыпка соответствует начальному периоду жизни на городище, когда вал имел высоту 1,2 метра. Вторая подсыпка до 3,5 метра была сделана позже. С напольной стороны вал подсыпался смесью глины с галечником и утрамбовывался, так что до сих пор сохранился крутой скат. Кыласово городище имело площадь уже 16 000 квадратных метров.

Но наряду с большими городищами в поздний период продолжают бытовать и небольшие. Примером таких городищ является Искорское, расположенное на отдельной возвышенности с крутыми и неприступными склонами к югу и западу.

Искорское городище имеет довольно сложную систему укреплений, защищавшую его с напольной стороны тремя валами. Между первым и вторым валами построена часовня. В Никоновской летописи указывается, что в 1472

году Искорское городище было взято русским князем Федором Пестрым.

Небольшие размеры Искорского городища и народные предания, именующие площадку между валами Княжьим местом, дают основание предполагать, что это городище было местом обитания коми-пермяцкого князька.

К типу Искорского городища относится ряд других городищ («Острая грива», Дойкарское и др.).

В более поздний период наблюдается перерастание городищ в неукрепленные поселения — селища. На таких местах культурный слой перекрывает оборонительные сооружения и выравнивает их с площадкой.

Если взглянуть на крату распространения городищ и селищ в Верхнем Прикамье XIII—XV веков, то сразу бросится в глаза следующий факт. В наиболее важных местах — в устьях рек, впадающих в Каму, и по берегам Камы — расположены городища с мощными укреплениями. Основная же масса селищ располагается в центре кольца, образуемого этими городищами. Последние играли роль укрепленных форпостов.

Такое расположение городищ, повидимому, было связано с некоторыми социальными изменениями в жизни верхнекамских племен.

Вопрос об общественном строе является наиболее сложным из всех вопросов, разрешаемых исторической наукой о первобытном обществе. О Прикамье рассматриваемого периода имеется несколько работ, в которых авторы затрагивают вопрос об общественном строе. К их числу относится работа М. В. Талицкого «Верхнее Прикамье в X—XIV вв.»¹, где он высказывает мысль, что на протяжении всего этого периода у верхнекамских племен существовал первобытно-общинный строй. В связи с этим автор заключает, что у верхнекамских племен по XIV век включительно существовала племенная дружина. М. В. Талицкий аргументирует данный вывод лишь одной ссылкой на коми-пермяцкую легенду о Кудым-Оше. Думается, что вывод аргументирован недостаточно. М. В. Талицкий в той же работе говорит о разложении родовой организации, указывая на образование сельской общины, в которой население объединяется не по родовому, а по территориаль-

¹ М. В. Талицкий, Верхнее Прикамье в X—XIV вв., «Материалы и исследования по археологии СССР», № 22, 1951 г.

ному признаку. Автор обосновывает этот вывод рядом фактов.

Можно согласиться с мнением М. В. Талицкого о существовании племенной дружины в Верхнем Прикамье лишь в ранний период — в IX—XIV веках. С XIV века возможно допустить уже возникновение княжеской дружины.

В самом деле, экономическое развитие населения Верхнего Прикамья находилось на таком уровне, когда верхушка зажиточных семей превращает власть родовых и племенных вождей в публичную власть, не связанную с родом. Эти семьи охотно перенимают от русских христианство, превращаясь в князьков, обладающих земельными угодьями и живущих в отдельных городищах.

Русские летописи упоминают имя местного князя Михаила, взятого в плен Федором Пестрым во время похода 1472 года. Кроме князя, летопись упоминает о трех его воеводах, что свидетельствует о выделении главного вождя, которому подчинялось несколько мелких.

О выделении главного вождя — князя — свидетельствуют и находки личного княжеского вооружения: инкрустированный парадный топорик¹, найденный в окрестностях села Пянтег Молотовской области, и находка каролингского меча в бывшей Пятигорской волости. Каролингские мечи и инкрустированные топорики бытовали на Руси не позднее XII века. В Прикамье же они, возможно, употреблялись в более поздний период.

Процесс выделения князей нельзя представлять как мгновенный исторический акт. Накопление богатств в руках отдельных семей происходило продолжительное время еще в недрах родового строя. Переход к плужному земледелию значительно ускорил этот процесс.

Находки мечей в погребениях воинов свидетельствуют о выделении знатных воинов. «Есть ряд неоспоримых фактов, свидетельствующих о том, что не только в далеком Новгороде, но и в центре древнерусской культуры XI — начала XII вв. — в самом Киеве и в южных городах Киевской Руси, как и в северных, оружие, в частности, меч, обязательно входило в состав загробного снаряжения знатного воина»².

¹ Н. Н. Бортвин, Инкрустированный топорик Чердынского музея, «Советская археология», т. X, 1948 г.

² М. К. Каргер, Археологические исследования древнего Киева, Киев, 1951 г., стр. 35.

Предметы, найденные в погребениях русских князей и местных прикамских, чрезвычайно сходны (мечи, наконечники копий и стрел, конное снаряжение).

Отдельные небольшие сильно укрепленные городища в поздний период могли служить резиденцией князей. Именно на Искорское городище, а не на какое-нибудь другое, направил свой отряд Федор Пестрый в 1472 году. Это еще раз подтверждает, что Искорское городище могло служить резиденцией князей, которые передают свою власть по наследству. Так, князь Михаил передал свою власть сыну Матвею, который имел в личной собственности землю. Об этом свидетельствует царская грамота 1580 года, упоминающая в числе монастырских земель «княж Матвеевские Великопермского пустые земли, и леса, и луга»¹. Это уже феодальные земли, захваченные князьком из бывших общинных земель и потом завещанные им монастырю.

Князьки присваивали общинные земли, вследствие чего большая часть общинников, бывшая ранее свободной, оказывалась в экономической зависимости от князя; за пользование землей общинники вынуждены были платить ему дань.

В этот период одним из источников обогащения становятся войны. А чтобы вести эти войны, чтобы держать в повиновении подвластное население, князьям нужна была постоянная сила, на которую они могли бы опираться и к помощи которой могли бы прибегнуть в любое время, особенно при сборе дани.

Такой силой могли стать только постоянные военные отряды, которые князь собирал вокруг себя, содержал и одаривал.

И если зарождение феодальных отношений в Верхнем Прикамье с XIV века можно считать доказанным, то правомерно поставить и вопрос о возникновении в это время у коми-пермяков княжеской дружины, существовавшей рядом с народным ополчением — племенной дружиной, которая постепенно теряла свое значение.

¹ А. А. Дмитриев, «Пермская старина», т. 1, стр. 161, Пермь, 1899 г.

И. С. Поносова

ИЗРАЗЦЫ ОРЛА-ГОРОДКА

Научный руководитель — ассистент В. А. Оборин

Изразцы занимали видное место в быту древнерусского города. В частности, они служили декоративным материалом для украшения фасадов и внутренних помещений зданий.

Изразцы (кафель) — это глиняная обожженная плитка, имеющая на своей тыльной стороне румпу, то есть глиняную коробку, которая служит для прикрепления изразца к кладке. Бывают облицовочные плитки и без румпы — это лицевая пластинка и черепица.

Цель данной работы — выяснение вопроса о месте производства изразцов из Орла-городка, их назначении, способе изготовления, а также сравнение с другими изразцами.

Источником послужили материалы раскопок Орла-городка Камской археологической экспедицией Молотовского университета в 1952 году. В раскопках принимал участие и автор.

Орел-городок был одним из первых опорных пунктов русских в период их проникновения на Урал и в Сибирь. Он возник как укрепленное поселение в 1564 году на основании грамоты Ивана IV, данной Строгановым, и просуществовал у устья реки Яйвы при ее впадении в Каму до 1706 года, когда вследствие сильного затопления городка было разрешено перенести его на противоположный более высокий берег Камы, туда, где находится сейчас поселок Орел, Ворошиловского района.

Археологические исследования и изучение Орла-городка начались в тридцатые годы нашего века, когда А. В. Шмидт впервые обследовал его¹. Затем в 1949 году Камской археологической экспедицией здесь были проведены разведки, а в 1952 году раскопки². Была вскрыта площадь в 1530 квадратных метров и обнаружены остатки деревянных строений, кузниц, мастерской по производству глиняных изделий, остатки деревянных свай на берегу и стены, которой был обнесен Орел-городок. Много найдено и вещей домашнего обихода.

Самым многочисленным материалом раскопок, после обломков глиняной посуды, являются изразцы. Так, в слое второй половины XVII века, глубина которого доходила 50 сантиметров от поверхности, было найдено много зеленой поливной черепицы и полихромных рельефных изразцов. В нижнем слое конца XVI и начала XVII века глубиной до 120 сантиметров мы обнаружили, помимо зеленой поливной черепицы, много красных рельефных и гладких изразцов.

Зеленая глазурованная черепица применялась широко для покрытия крыш. Она имела различную форму. Найдены плитки со ступенчатым верхом (табл. 1, рис. 1); длина плитки 17 сантиметров, ширина 12,5 сантиметра, длина выступа 3 сантиметра, ширина его 2,8—3 сантиметра. В основании плитки есть отверстие для гвоздя. Найдены также плитки с вогнутыми краями (табл. 1, рис. 3); ширина плитки 11 сантиметров, длина 15—18 сантиметров, длина суженной части 5,5—6 сантиметров, а ширина 4,5 сантиметра (в основании). Обнаружены также эллипсовидная и круглая плитки (табл. 1, рис. 2). Длина эллипсовидной плитки 25 сантиметров и ширина 13 сантиметров. Полива на плитках лежит не всегда ровно, есть пузыри и трещины. Это говорит о том, что температура в печи при обжиге не была доведена до нужной точки.

Черепица, найденная при раскопках Орла-городка, сделана из красной глины с примесью песка, обжиг ее ровный, горновой, в изломе плитка красная, слоистая, поверхность ее при оттискивании в деревянной форме посыпа-

¹ А. В. Шмидт, Район реки Камы, «Известия ГАИМК», вып. 109, М.—Л., 1935 г., стр. 176—177.

² В. А. Оборин, Раскопки Орла-городка на реке Каме, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. 55, 1954 г., стр. 129—138.

лась песком. Орлинская черепица имеет сходство с московской¹ по цвету поливы, форме, отверстию для гвоздя, толщине. Для ее изготовления употреблялось то же сырье. Отличается же она от московской прежде всего, размерами, что особенно заметно при сравнении с черепицей храма Василия Блаженного, длина которой до 30, а ширина до 18 сантиметров.

Наиболее интересны по сюжетам и изображениям красные (терракотовые) рельефные изразцы. Установить полный размер плитки, рамки и румпы мы не смогли, так как целых экземпляров найти не удалось.

По назначению терракотовые изразцы можно разделить на стенные рельефные, угловые рельефные и гладкие, боковые гладкие.

Стенные рельефные изразцы предназначались для облицовки печей (и реже — стен). Большинство их имеет с внутренней стороны следы копоты.

Угловые и боковые изразцы — массивные, тяжелые, похожие на кирпичи, но полые внутри. Толщина плиток до 2,2 сантиметра. Все они изготавливались из красной глины с примесью песка, мелкой гальки и шамота. Черепки плотные, шероховатые, тяжелые. Обжигали их в горне или печи. На наружной стороне видны следы подсыпки формы песком, а на внутренней — следы песка и полосы от гончарного круга. У боковых и угловых изразцов часто встречается выступающий ребристый край. В изломе черепка видна серая полоса, идущая через середину. Этот черепок обжигали в печи. При горновом обжиге весь черепок ровный, красный.

Основная масса красных изразцов Орла-городка обжигалась в горне. Способ их изготовления заключался в том, что форму ставили на гончарный круг, присыпали внутри песком, затем накладывали глину, плотно ее утрамбовывали и посыпали песком сверху. При этом круг все время вращали.

На некоторое время форму с глиной оставляли для просушки. Затем вынимали глину из формы, сушили на воздухе, покрывали тонким слоем глиняного раствора и обжигали в печи или горне при температуре 900—950 гра-

¹ М. Г. Рабинович, Московская керамика, «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 12, 1949 г.

Таблица 1

Черепица и изразцы Орла-городка. 1, 2, 3 — черепица. 4, 5, 6, 8 — красный рельефный изразец. 7 — выгоревший полихромный изразец.

дусов. Румпу же постепенно наращивали при вращении круга, когда глина была еще в форме¹.

Рисунки на изразцах довольно разнообразны. Это цветы, листья (табл. I, рис. 4), водоросли, нераспустившиеся бутоны, птицы, лошади; батальные сцены: крепостная стена с башней (табл. I, рис. 7), две пушки на колесах (табл. I, рис. 6), лестница и падающие с нее человеческие фигурки, вооруженный воин (табл. I, рис. 5), высокая башня с бойницами; бытовые сцены: человек с кувшином в руке, человек, играющий на каком-то инструменте, человек в короне и т. д.

Характерной особенностью красных орлинских изразцов является наличие составных изображений, которые размещены на нескольких плитках. В Москве же такие изображения появляются лишь на полихромных изразцах. Часто встречаются изразцы с надписями на древнерусском языке. Надписи рельефны, они помещены в правом верхнем углу или в центре. Прочитать надписи пока не удалось: плохо сохранились буквы (табл. II, рис. 8).

Наиболее распространены были эти изразцы во второй половине XVI и первой половине XVII веков².

Другой тип изразцов — это рельефные полихромные. Среди найденных в Орле-городке — много обгорелых цветных изразцов. Их полива выгорела, поблекла и превратилась в бурую пористую корку. Все они предназначались для облицовки печей (имеют нагар с внутренней стороны). Среди обгорелых есть стальные, боковые и угловые изразцы, при этом стальные делятся на прямоугольные и арочные (плоские выгнутые).

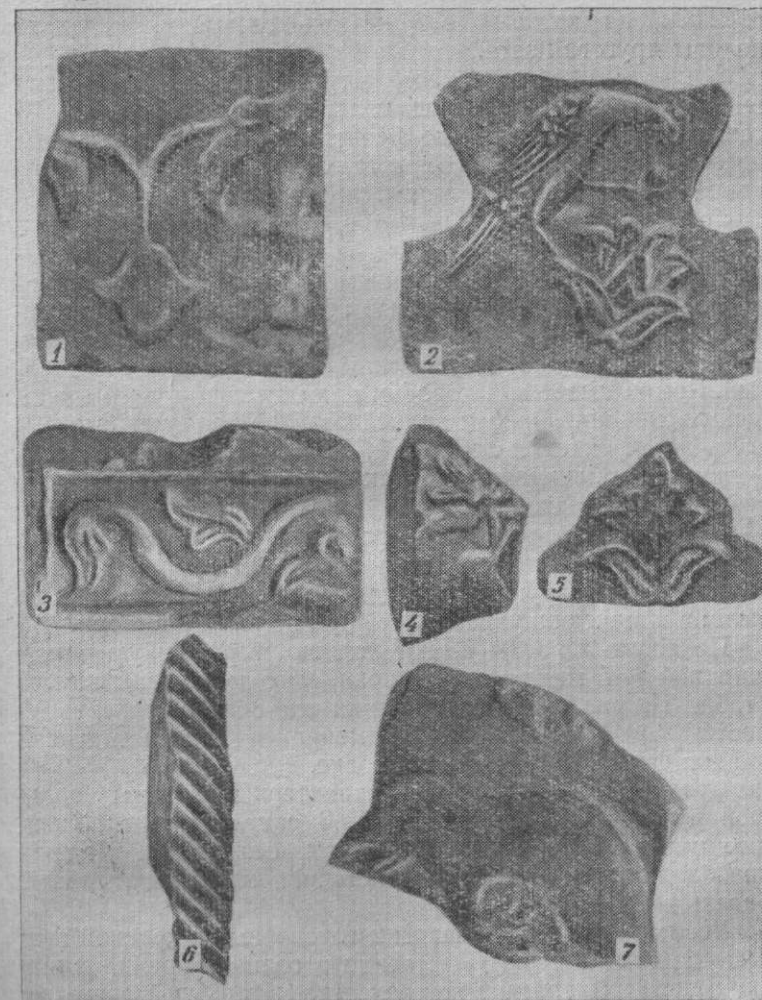
По характеру применения все найденные цветные изразцы можно разделить на стальные (табл. II, рис. 1), перемычки (табл. II, рис. 6), угловые (табл. II, рис. 4), поясовые (табл. II, рис. 3) и «городки» или «зубчики» (табл. II, рис. 2 и 5). Применяли их шире, чем красные рельефные изразцы, и, повидимому, спрос на них был больше.

Цветные изразцы изготовляли тем же способом, с той разницей, что после просушки их покрывали поливой и обжигали при температуре 960—1000 градусов. Более низкая температура портила изделие: полива пузырилась, ло-

¹ А. В. Филиппов, Древнерусские изразцы, т. I, 1938 г., стр. 36—37.

² А. В. Филиппов, Древнерусские изразцы, т. I, 1938 г., стр. 32.

Таблица II

Изразцы Орле-городка. 1, 2, 3, 4, 5, 6 — полихромные изразцы. 7, 8 — красные рельефные изразцы.

палась, теряла цвет. Изготавливали красные и цветные изразцы в одной форме, о чем свидетельствуют находки одинаковых изразцов, различающихся лишь по цвету. Обжигали их также вместе; среди находок есть красные изразцы, на которых сохранились застывшие капельки поливы другого цвета.

У цветных изразцов часто встречается рамка. Ширина ее от 7 до 12 миллиметров, толщина плиток от 1 до 2,5 сантиметра, а в углах — до 3 сантиметров. Среди рисунков преобладают такие: на ярком голубовато-зеленом фоне яркие цветы, стебли, бутоны, листья; часто встречается изображение птицы среди цветов.

Найдены цветные угловые изразцы с прямым и закругленным углом. Характерным для них является крупный витой орнамент, покрытый зеленой поливой. Для перемычек (табл. II, рис. 6) характерен витой орнамент, мелкий и крупный, цвет поливы коричневый и желтоватый. Румпа имеет вид коробки или пластинки, примыкающей перпендикулярно к задней стороне изразца. Это выступ для скрепления с кладкой. Применялись также перемычки для облицовки стен как грань между стеной и изразцовой выкладкой.

«Городки» красивы по форме и изображениям, но встречаются они редко. Служили они для украшения верха печи, были крупные, яркие. Румпы и рамки у них не было; в кладке они укреплялись при помощи раствора.

Поясовые изразцы имеют хорошо выраженную рамку шириной в 7 миллиметров, края плиток скошены внутрь (табл. II, рис. 3). Изображения на поясовых изразцах растительные, составные. Применялись плитки для выкладки фриз в печной облицовке.

Среди стенных наиболее характерны изразцы «большой руки» — со сторонами в 19,6 сантиметра, снабженные румпой с внутренней стороны, без рамки. На них преобладают изображения растений, животных, людей, батальные сцены и т. д.

Все полихромные изразцы изготовлены из красной глины, обожжены преимущественно в горнах. Среди орлинских цветных изразцов нет зеленых, которые встречаются в Муроме, Москве, Угличе¹.

Орлинские изразцы имеют немало внешних отличий

¹ А. В. Филиппов, Древнерусские изразцы, т. 1, 1938 г., Приложения № 73—80.

тельных признаков — почти полное отсутствие рамки у красных рельефных изразцов, отсутствие румпы у стенных, мало копоти и нагара, часто встречающийся скрепляющий раствор у тех же стенных; замечен резкий переход от острых граней на красных изразцах к сглаженным граням у цветных. Толщина изразцовых плиток редко меньше 1 сантиметра, чаще 1,2—1,5 сантиметра. На красных изразцах часто встречаются изображения птицы с большим раскрытым клювом (табл. II, рис. 7), крылья и хвост которой сложены. Туловище птицы всегда гладко-рельефное на красных изразцах, на цветных же оперение птицы иногда изображено в виде зубчиков, а чаще в виде прямых и волнистых рельефно выступающих линий. На московских изразцах птица изображена с раскинутыми крыльями, клюв закрыт, оперение всегда в виде зубчиков.

Совсем отсутствуют на цветных орлинских изразцах изображения геометрического орнамента.

У московских изразцов часто встречается особый знак в виде пяти-шестигранной звездочки или восьмизубчатой розетки, у орлинских же встречается сердцевидный знак: верояно, знак мастера или эмблема Орла-городка.

Все эти особенности орлинских изразцов дают основание говорить об их местном происхождении.

При раскопках 1952 года было найдено много кусочков поливы, а в 1953 году обнаружено и место, где производили изразцы — гончарные печи для обжига керамических изделий и небольшие углубленные площадки, где отмучивалась и замешивалась глина (на них осталось немного отмученной глины). Изразцов в Орле-городке найдено много, в том числе бракованных, недоделанных и еще не бывших в употреблении, что также говорит за их местное производство. Вести всю эту массу из Москвы в то время было немыслимо. Краску для поливы могли изготавливать на месте, используя окись железа, меди, охру и сажу. Не было здесь лишь окиси свинца, но ее могли привозить или заменять каким-либо другим местным сырьем.

Производством облицовочной керамики могли заниматься приезжие мастера, которые использовали уже ранее известные им формы и сюжеты, но переделывали их на местной основе в соответствии со вкусами местного населения.

Формы для производства изразцов могли привозить или же мастера воспроизводили по памяти знакомые им

изображения. Так, полихромный рельефный изразец с изображением крепости имеет полную аналогию с красным рельефным изразцом, найденным в Москве¹.

Воспроизводством изображения с известной ранее формы можно считать изразец, где изображены две пушки на колесах и пушкарь в головном уборе с тремя зубцами. Изображение головного убора с тремя зубцами часто встречается на орлинских изразцах. В Москве был найден похожий изразец². Но на нем изображены одна пушка, воин в треугольном шлеме и, кроме того, сзади еще воин, держащий лук со стрелами. Это изображение было воспроизведено не полностью; взамен недостающих деталей введены новые (табл. I, рис. 6). Считать это совсем новым изображением нельзя, так как формы человеческой фигуры и одной пушки воспроизведены с большой точностью.

Наличие изразцов, сопоставленных по времени производства с другими памятниками, указывает и подтверждает дату существования Орла-городка, известную из письменных источников. Эта дата — со второй половины XVI века и до начала XVIII века, когда гладкие цветные изразцы уже появились в центре Русского государства, но не успели еще далеко распространиться и проникнуть в Прикамье.

Больше всего замечено аналогий орлинских изразцов с московскими, что является, видимо, результатом присутствия московских мастеров в Орле-городке. С московскими изразцами орлинские связывают наличие витых перемычек, плоской черепицы с отверстием в основании и в рупе перемычки, изображение оперения птицы в виде зубчиков на двух полихромных изразцах, стилизация в изображениях, надписи на красных изразцах (табл. II, рис. 8), сюжеты батальных сцен и т. д.

Совершенно иные по форме, характеру и изображениям изразцы из других мест.

Можно считать, что производство изразцов в Орле-городок было занесено русскими московскими мастерами. Это свидетельствует о прогрессивном влиянии столицы

Русского государства и ее строительной техники на культуру окраин.

Значение изразцов как составной части материальной культуры очень велико, ибо изучение их дает ключ к решению многих вопросов, касающихся данного памятника.

Наличие большого количества изображений крупной хищной птицы могло быть связано с названием городка — Орел. Правда, изображенная птица мало похожа на орла, но здесь, повидимому, до некоторой степени сказалась стилизация.

Батальные сцены, столь часто встречаемые в изображениях (табл. I, рис. 5—7), не могли не иметь отношения к той эпохе, в которую существовал Орел-городок. Он был построен как опорный пункт русских для проникновения на восток, охранял русские земли от набегов татар. Из Орла-городка отправлялись отряды для завоевания Сибири.

Судя по расположению найденных изразцов, можно сказать, кто ими пользовался, чьи запросы они удовлетворяли. Много изразцов найдено на мысу, где были расположены хоромы Строгановых, церкви и дворы вотчинников. Там попадались рельефные красные и цветные изразцы и черепица. В стороне встречались изразцы гладкие красные. Их, повидимому, использовали дружинники и ремесленники. В посаде же не было найдено ни одного изразца.

Интересные находки в Орле-городке побуждают нас еще более глубоко и всесторонне изучать этот ценный материал.

¹ М. Г. Рабинович, *Московская керамика*, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 12, 1949 г.

² Он же, *Гончарная слобода в Москве XVI—XVIII вв.*, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 7, 1947 г.